

Храм иконы Божией Матери
«Знамени» в Ховрине

№ 5 (86) 2012
сентябрь — октябрь

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
МИЛОСЕРДИЕ
ВЫШЕ ЗАКОНА?

- Богомаз — красивое призвание
- И один в горе воин
- Гриб-славолюб

Господи, помилуй!

– Бог ждет от нас милости. Не по отношению к Себе Самому, а нашего милосердия по отношению друг к другу. Иначе человечеству просто не выжить. Во всем, как хотим, чтобы с нами поступали люди, и мы должны поступать с ними так же. (См. Мф. 7:12). Да, существуют законы, и существуют они уже давно. Цель любого законодательства – ввести жизнь того или иного человеческого сообщества в рамки некоего представления о справедливости, – без этого, понятное дело, не может обойтись ни одно государство. Однако надежды на то, что свод правил поведения может сам по себе облагородить жизнь людей, – беспочвенны. Это доказали, в частности, известные законники – фарисеи, которые в своих интересах умели блистательно обходить любые требования закона. В воспоминаниях княгини Урусовой есть прелюбопытный эпизод. Когда в гражданскую войну люди бежали из Ярославля, то иудеи в субботу, едучи на повозках, поливали колеса водой.

Закон иудейский, запрещавший всякую деятельность по субботам, ограничивал в эти дни и путешествия по земной тверди, а по воде – пожалуйста. Логика понятна: корабль, находящийся в плавании, невозможно остановить на целый день где-нибудь посреди моря – вот для кораблей и сделали исключение. И, поливая колеса водой, люди эти соблюдали свой закон, но – абсолютно по-фарисейски. Так что главенство закона, или, как говорил один из наших руководителей-юристов, «диктатура закона», – понятие не столь однозначное, как может показаться.

– В Евангелии есть даже выражение: на расстоянии субботнего пути. То есть в субботу можно было сделать не больше определенного числа шагов.

– Вот-вот, классический пример того, как фарисейское установление превратилось в житейскую норму. Правило соблюли, полив колеса водой, и – выкрутились. Таких примеров немало. Закон этот существовал в веках, пока на землю не пришел Христос. Пришел и принес нам благодать. Как об этом сказано у митрополита Киевского Иллариона в его «Слове о Законе

Всего два слова. Но каких! В них суть и смысл нашего бытия. Суть в том, что только Господь Бог – единственный адресат, кому можно и должно обратиться свою мольбу. Смысл – спаси, не дай погибнуть от моей грешной земной жизни. Всего два слова. Самая краткая молитва. И мир горний, и мир дольний. И связь между ними, выраженная крохотным значком – запятой, которой в нашем языке выделяется обращение.

Сегодня, по просьбе редакции, о теме номера размышляет священник храма великомученика Георгия Победоносца (прежнее полное название – «на Псковской горе, что на Варварской улице у старых тюрем»), известный писатель Ярослав Шипов.

и Благодати)? «Вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, исполнившись водой и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу». Благодать вон как высоко стоит: «и озеро закона пересохло». А благодать – это есть любовь Господня.

– А как сопрягается с этим справедливость?

– Никак. Потому что Бог – не справедлив. Будь Он справедлив, Он давным-давно стер бы человечество с лица земли – за грехи наши и преступления. По закону получилось бы в самый раз. Но Бог – любовь, а любовь терпелива и милосердна. Да и вообще, справедливость – понятие относительное, связанное не столько с нравственностью, сколько с моралью, а мораль, как известно, может быть весьма разнообразной. Вот и оказывается, что у вора в законе одни представления о справедливости, у чиновника – другие, у гаишника – третьи... И в законодательствах разных стран наказания за одни и те же провинности будут

неодинаковы: где-то за незначительную кражу оштрафуют, где-то – посадят в тюрьму, где-то – отрубят руку... А милосердие – не от морали: оно – от любви, и потому оно бесконечно выше и закона, и справедливости.

– Можно сказать, что милосердие рождено любовью?

– Да, я бы сказал так... если бы вы это уже не сказали. Словом, Бог – сама любовь. Он нас прощает. И жалеет. Вспомните: «Милости хочу, а не жертвы». В Евангелии от Матфея это фраза Христа присутствует дважды – в 9 и 12 главах (стихи 13 и 7), а еще раньше – в Ветхом Завете, в книге пророка Осии (6:6). Согласитесь, в Священном Писании такое настойчивое повторение встречается не часто.

– Однако люди не вняли призыву Бога.

– Милости хочу, а не жертвы, – это означало, что Богу не нужны жареные бараны и козлы, которых столько веков упорно подавали Ему. Не нужны Ему эти шашлыки. А вот милость людей друг к другу необходима для выживания всего человечества.

– Но быть милосердным тяжелее, чем попросту исполнять закон.

– Конечно! Помните, в «Капитанской дочке» Маша говорит императрице: «Я приехала просить милости, а не правосудия?»

– **То есть в представлении Маши милость выше правосудия. Это, по сути, религиозное сознание автора.**

– В итоге все сложилось нормально: и милосердие, и закон сошлись в одной точке. Но важно помнить: милость и правосудие – понятия не идентичные. Они могут очень даже далеко расходиться.

– **У апостола Иакова в Послании есть такие слова: «Суд без милости не сотворшему милости; милость превозносится над судом». Здесь тоже милость ставится выше закона. Надо полагать, имеется в виду мирской закон, сочиненный людьми. Не тот, что установлен Богом.**

– Обратимся к Закону, данному Богом Моисею на горе Синай. Это закон для своего времени, для того места. Что-то осталось незывлемым и сегодня. А что-то, в силу разных причин, ушло. В Ветхом Завете, в книге Левит (24:20), сказано: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать». А в Евангелии от Матфея мы читаем слова Христа: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб» (5:38). И: «А Я вам говорю: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (5:44). Что это, как не призыв быть милосердными, призыв подняться над теми представлениями о справедливости, которые утверждал ветхозаветный закон?

– **Вообще ветхозаветное законодательство было, выражаясь понынешнему, корпоративным. Его юрисдикция по-разному распространялась на израильский народ и на иноплеменников. Как это напоминает большевистскую идеологию: морально то, что диктуется революционной необходимостью.**

– Очень напоминает. Но любое законодательство в той или иной мере «корпоративно», поскольку, как мы уже говорили, зависит от морали, царствующей в данное время в данном месте. В 1918 году была одна «целесообразность», в пору обострения так называе-

мой классовой борьбы – другая, во время Отечественной войны – третья... В военное время некоторые воинские преступления карались смертной казнью. Изменились обстоятельства – изменилось и законодательство. Одно дело – сбежал боец с передовой, подставив товарищей по оружию, а другое – в мирное время ушел солдатик из части, чтобы повидаться с девчонкой. И там, и там – дезертирство, преступление. Но можно ли за него одинаково карать? Так что закон подвижен, изменяем в зависимости от времени и места... и от тех, кто его создает и применяет. А милосердие – категория постоянная и потому всегда неизменно.

– **Может ли милосердие быть избыточным?**

– Избыточным милосердие не бывает. Не случайно же отцы говорили: «Нет греха, превышающего милосердие Божие».

– **А как же тогда хула на Духа Святаго?**

– Это – единственное, о чем сказано в Священном Писании (Мф. 12:31–32): «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем». Обратите внимание – вновь тема милосердия! Из уст Самого Христа: простится даже тому, кто возведет хулу на Сына Человеческого. Что, собственно, и произошло на Голгофе: «Отче! Прости им...» (Лк. 23:34). Что это такое конкретно – хула на Духа Святаго – нам сказать довольно трудно...

– **Но это очень важно – знать, чего нельзя делать.**

– Возможно, что-то похожее на таковую хулу совершил Лев Николаевич Толстой, написавший собственное «евангелие». Ему не давала покоя слава Христа, одолела прямо-таки сатанинская гордость. Здесь возникает логическая цепочка, замеченная еще в те времена: Евангелие – книга Богодухновенная, дана нам через Духа Святаго. Если мы начинаем править ее, сокращать, дополнять или создавать нечто аналогичное от себя...

– **Тем самым мы возводим хулу на Духа Святаго?**

– Может статься. Из-за столкновения с чем-то подобным мне, тогда уже священнику, пришлось уйти из редколлегии одного толстого журнала. Весьма известный поэт публиковал там поэму о Христе. Если в первой части еще куда ни шло: звезда, волхвы, рождество, – как в колядках, то часть вторая представляла собой недопустимо вольные фантазии автора. При этом надо отметить, что был он, как теперь говорят, не в теме – первоначальный текст пестрел грубейшими неточностями. Помнится, сотник у него нарушал первую заповедь. Спрашиваю: «Какую?» – «Не убий»(!). «Ну, – говорю, – вы хоть бы в Священное Писание заглянули». А далее была обещана и третья часть. Я не мог участвовать в этом. Пришлось расстаться.

– **Вернемся к личности Льва Николаевича. Несчастнейший человек! Как ему было тяжело носить в себе такое!..**

– Утверждать наверняка не берусь, но его «евангелие» как раз могло быть хулой на Духа Святаго. А во всех иных случаях: нет греха, превышающего милосердие Божие. Я помню, когда-то очень давно слышал об отце Кирилле, в лавре. Монахи его спрашивали: «Вы хоть когда-нибудь кому-нибудь отказывали на исповеди в прощении?». Он отвечал: «Как же так: Бог прощает, а я – не прошу? Можно не допустить до причастия, наложить епитимью, но не простить... Нет, не могу».

– **Допустим, человек равнодушен, безразличен к окружающему. Надо бы с кого-то крепко спросить, а он**

ОКРЕПЫ

Тогда Господь начинает являть Свою силу, когда увидит, что все человеческие средства к поданию помощи нуждающемуся в ней человеку истощены.

*Преподобный
Амвросий Оптинский*

пальцем не шевельнет. А со стороны покажется: какой милосердный!..

– Ни равнодушие, ни безразличие за милосердие принять невозможно. Иногда путаешь равнодушие с...

– Бесстрашием?

– Именно.

– Грань между ними очень зыбкая.

– Потому что не понятно, что внутри у человека. Иногда не столько важны даже действия, сколько... то, что заставляет его поступать так, а не иначе. Довольно часто дела внешне милосердные совершаются из тщеславия. Ах, какой я хороший, я помог! Практика показывает, что дела, даже очень добрые внешне, но сотворенные не по милосердию, не по любви, а из тщеславия, никогда не приносят доброго плода. Как правило, они погибают.

– Прямо как в Деяниях апостолов: Божеское дело устоит, а если от человека – само разрушится.

– Это – сложное сопряжение: равнодушие и бесстрашие... Одно – грех, другое – добродетель. А внешне могут проявляться одинаково.

– Как в этом разобраться?

– От равнодушия милосердие не родится. А бесстрашие милосердию не помеха, даже в помощь. Милосердие – как лакмусовая бумажка для проверки состояния души.

– Итак, милосердие мы ставим, образно говоря, в красный угол. А как наводить порядок, укреплять дисциплину, ужесточать спрос?

– Одно другому не противоречит. Милосердие может включать в себя и требовательность, и взыскательность. И строгость. Христианская любовь включает в себя все эти понятия, потому что цель христианской любви – помочь спасению души. Любить и потакать – не синонимы. Хотя в обиходных представлениях мы горазды смешивать эти понятия. Скажем, человечество совершенно заслуженно воспеваешь материнскую любовь – чувство, безусловно, прекрасное. Однако в любви этой, как правило, немало пристрастия – матери трудно быть бесстрашной, потому что это ее «кровиночка». И в ее отношении к детям заботы житейские легко выходят на первый план, отодвигая или вовсе отбрасывая заботы о спасении души любимого чада. Мне

приходилось слышать от врачей, что первым врагом наркомана иногда становится его мать. Она не может переносить физические страдания своего дитяти и закрывает глаза на очевидное: на пропажу из дома денег, ценностей и так далее. В свой час она, возможно, спохватится, но когда это будет?

– Такой сюжет – это и своего рода тест для матери на проверку глубины ее веры. Если она подлинная христианка, по существу, а не номинально, то прежде всего будет думать о спасении его души.

– Думать о спасении души и соответственным образом действовать. Это и будет настоящее милосердие. Которое не исключает строгости и даже, если нужно, жесткости.

– Классический пример с матерью декабриста Рылеева.

– Можно сказать, хрестоматийный. Мать вымаливает у Богородицы жизнь маленького тяжелобольного сына, Пресвятая Дева, явившись ей, открывает, что в будущем его ждет плохая кончина. Но мать настойчива, и Владычица ей уступает, а что было дальше – известно... Если бы женщина послушалась Богородицы, сын ее – младенец Кондратий – отошел бы ко Господу в ангельском чине, декабристы же были преданы анафеме, так что за Кондратия и помолиться нельзя. Господь смилостивился и призвал мать к Себе прежде

фильм «Звезда пленительного счастья» (режиссер Владимир Мотыль). Эпизод казни Рылеева и еще четырех декабристов

восстания декабристов и, стало быть, прежде суда и казни сына.

– Как, по-вашему, люди стали более жестокими?

– Безусловно.

– А чем это все-таки вызвано?

– Не телевидением же! Есть, конечно, и его лепта, но не главная... Вероятно, вызвано общим падением нравов, о чем говорилось еще в Священном Писании...

– Но не на пустом же месте все возникает. Должны быть какие-то факторы.

– До какого-то момента мы были вне этого, насквозь меркантильного, мира. А потом нас с головой резко окунули в него. А иммунитета – никакого. В древние времена иностранцы, нанимая славянских воинов, отмечали, что те равнодушны к деньгам. А теперь мы, сломя голову, понеслись вслед за всеми к гибели...

– Я чувствую, нас буквально через колено ломают.

– Именно так. Причем достается всем – и олигарху, и бомжу. Просто кто-то захлебывается, а кто-то выплывает...

– Топя того, кто захлебывается.

– Иначе – никак. Непременное условие. Мир давно принял это. Пообвыкли, приспособились, придумали оправдательные термины: постмодернизм, общество потребления...

– Мне как-то пришел в голову такой образ: раньше пятаками закрывали глаза мертвецам, а теперь они стоят в глазах у живых.

– Хорошее сравнение. Более подходящее, наверное: монетами, а не пятаками. А так – все правильно: те, у кого в глазах деньги, уподобляются мертвецам.

– Чем жестче мир, тем больше нужда в милосердии.

– В Послании апостола Павла Галагам (5:25) есть на этот счет, можно сказать, прямое указание: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны». То есть, если мы не хотим окончательно утратить в себе образ Божий, то и жить обязаны соответственно.

– Благодарю вас, отец Ярослав. Помогите вам Господи.

– Бог в помощь и вам.

С о. Ярославом Шиповым
беседовал Павел Демидов

В начале 70-х меня только-только перевели из Владивостока в Москву, в центральный аппарат «Известий». И одним из первых моих авторов был молодой студент-юрист, который сразу запомнился исключительной вежливостью, пожалуй, даже куртуазностью, что тогда уже было присуще далеко не всем. Сын потомственных юристов, Миша Федотов впитал правовое сознание, что называется, с молоком матери, поскольку за участие в правозащитном движении поплатился студенческим билетом уже на третьем году обучения в Московском университете. Сегодня, спустя много лет, он не только не утратил тех, прежних качеств – подлинной, а не показной интеллигентности, мягкой неуступчивости во всем, что противно его принципам, но, похоже, даже стал более им соответствовать. Это, знаете, как дорогой элегантный костюм, который когда-то был приобретен на

чайного и полномочного посла. Сейчас возглавляет Совет по правам человека при Президенте РФ. Награжден медалью святого благоверного князя Даниила Московского. Сегодня он – гость нашей «Лампады».

Павел Демидов

вырос, а со временем пришлось в самую пору.

Михаил Александрович Федотов – соавтор ряда важных законов: «О печати и других средствах массовой информации», «Об общественных объединениях», «О средствах массовой информации», «Об архивном деле и архивах», «Об издательском деле», «Об авторском праве и смежных правах». Доктор юридических наук, профессор, секретарь Союза журналистов России. Работал председателем Российского агентства интеллектуальной собственности, министром печати и информации, представлял нашу страну в ЮНЕСКО в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Сейчас возглавляет Совет по правам человека при Президенте РФ. Награжден медалью святого благоверного князя Даниила Московского. Сегодня он – гость нашей «Лампады».

И все же трава растет от земли к небу

– Как бы вы отнеслись к тому, чтобы Совет, который вы возглавляете, состоял при Господе Боге, а не при человеке? Ведь изначально законы были установлены Творцом, а уж потом люди «подкорректировали» их под себя.

– Господу Богу подобный Совет без надобности, поскольку главная миссия нашего Совета – быть коллективным советником главы государства, а Всевышнему советники не нужны, хотя бы даже и коллективные. Что же касается законов, то в нашей иудео-христианской цивилизации они опираются в конечном итоге на заповеди, содержащиеся в Ветхом Завете и в Новом Завете, а также на правовые конструкции Древнего Рима. В этическом плане здесь много пересечений, повторов и параллелей. Правда, последующие наслоения порой мешают нам увидеть в современных юридических формулах исходный код Творца.

– Вы уверены, что эти, как вы говорите, последующие наслоения не есть результат сознательной и целенаправленной работы человека, потому что по Божию закону жить труднее?

– Увы, людям свойственно заниматься обустройством себя. И потому

особенно важно не отходить от этого кода. Это не значит, конечно, что общество должно жить по религиозным догматам: такое возможно лишь в теократических государствах вроде современного Ирана. Напротив, сохранение исходного кода требует интеграции его в современную жизнь, а значит, предполагает его современное прочтение и понимание. Не нужно пытаться в нашем быстро меняющемся мире буквально применять отдельные, вырванные из контекста времени и места, догматы. Гораздо полезнее вникать в глубинную сущность этих истин и интегрировать ее в ткань правовой системы и живой жизни XXI века.

– Я убежден: корень всех нестроений нашего мира в том, что люди живут по правилам, которые они сами же устанавливают, то есть живут по относительным понятиям, ибо «сколько людей, столько и мнений». Сегодня это называют толерантностью, либерализацией. Вы с этим согласны?

– Здесь есть разные подходы. Во Франции, например, существует специальная социологическая лаборатория, которая, по результатам своих исследований, формулирует предложения, касающиеся необходимых изменений

в законодательстве. Причем, как правило, эти предложения включают несколько альтернативных вариантов, и в отношении каждого из них ученые представляют свои аргументы «за» и «против». Иногда они даже проводят социальные эксперименты, организуют пилотные проекты, вводя, естественно, по согласованию с властями и населением, предлагаемые правила поведения на отдельных территориях. И уже потом, опираясь на результаты этих исследований, французские парламентарии принимают те или иные законы.

– Франция – историческая родина либерализма.

– К сожалению, такая методология даже там используется довольно редко, хотя, на мой взгляд, она наиболее правильна.

– Почему?

– Прежде всего потому, что она позволяет учесть те глубинные предпочтения людей, которые они в большинстве случаев даже не осознают. Учесть, чтобы соответствующим образом скорректировать предлагаемые правила поведения. Иными словами, при таком подходе законодатель не пытается навязать свою волю обществу исходя из собственных представлений о благе народа, а, напротив, стремится пред-

ложить обществу правила, которые отвечают внутренним потребностям людей. Это не примитивный учет общественного мнения, а многофакторное аккумулятивное представление, традиций, верований, опасений и так далее, бытующих в обществе. Иными словами, это учет того самого «внутреннего закона внутри нас», который так восхищал Иммануила Канта.

– **Вы сказали – есть разные подходы...**

– Да. Другой подход характерен для стран с отсутствием устойчивых демократических традиций. Он – часто даже неосознанно – исходит из марксистско-ленинской химеры о праве как возведенной в закон воле господствующего класса. И поскольку эту «волю» лучше всех знает тот, в чьих руках находится власть, – Политбюро ЦК КПСС, например, – постольку именно эта группа людей отождествляет себя с господствующим классом и государством, навязывая обществу собственные представления и предпочтения в виде общеобязательных правил поведения. При этом они часто даже не задумываются, что в правовой системе все должно быть прекрасно – и доктрина, и логика, и законодательная техника, и, главное, нравственная основа. Ведь закон-уродец не может рассчитывать на реализацию, даже если за его неисполнение будет предусмотрено суровое наказание. Почему? Прежде всего потому, что конструирование законодательного текста подчиняется жестким правилам, игнорируя которые, можно создать лишь «законоид», который внешне будет походить на полноценный нормативный акт, но, будучи лишен четких понятий и механизмов реализации, противоречащий конституции, другим законам, самому себе, а иногда элементарной логике, правилам русского языка, нравственным представлениям о должном и запретном, сможет лишь пополнить число недееспособных нормативных актов.

– **В нашей действительности за такими примерами далеко ходить, к сожалению, не нужно. Отчего так?**

– Подобное нередко встречается, когда автор или разработчик законопроекта (между ними, кстати, большая разница, ибо разработчик всегда связан волей заказчика, начальника и т.д., тогда

как автор может свободно творить, подчиняясь лишь писаным и неписаным законам нормотворчества) становится жертвой «синдрома белого листа». Действительно, чистый лист бумаги завораживает и создает обманчивое впечатление, что законодатель имеет дело с *tabula rasa*. На самом же деле правовая система больше похожа на страницы толстенного фолианта, исписанные от начала до конца убористым почерком. Вот в этом-то фолианте законодатель и должен либо заполнять имеющиеся пробелы, либо, вымарывая целые «абзацы», аккуратно вписывать новые. Но так, чтобы «строчки» друг на друга «не наезжали», чтобы соблюдался общий «контекст» и не перепутались «страницы». И главное – чтобы не утратился внутренний, исходный код правовой системы. В противном случае разрушаются логика и архитектура закона, он утрачивает свою самостоятельность, а вместе с ней и способность быть реализованным на практике. Для добросовестного правоприменителя закон превращается в нескончаемый юридический лабиринт, а злонамеренному служит для оправдания его правового цинизма.

– **При существующей человеческой разобщенности понятие «общечеловеческие ценности» звучит, во всяком случае, для меня, несколько абстрактно-декларативно. Но раз уж эти понятия запущены в оборот, хотелось бы услышать, насколько, по-вашему, они корреспондируют с современной российской действительностью.**

– Боюсь разочаровать: общечеловеческие ценности присутствуют у нас в законодательстве преимущественно в Конституции и некоторых федеральных законах, принятых в основном в начале 90-х годов. Чем ниже вы спускаетесь по иерархической лестнице нормативных правовых актов, тем меньше следов этих ценностей можете встретить.

Возьму лишь один пример – правосудие. Согласно статье 120 Конституции РФ «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Именно в законах мы можем обнаружить такую безусловно общечеловеческую ценность, как совесть судьи. Так, согласно статье 8 закона РФ «О статусе судей в

Российской Федерации» судья, впервые избранный на должность, приносит следующую присягу: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть». Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ конкретизирует эти слова присяги, устанавливая, что судья оценивает «доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Более того, согласно закону судья не только при исполнении своих полномочий, но даже во внеслужебных отношениях «должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности».

– **Слов нет, сформулировано красиво и, главное, отчетливо. А что мы видим на практике?**

– Что мы видим на практике? Очень часто в прессе можно прочитать публикации о вопиюще несправедливых судебных решениях. Допустим, в каких-то случаях журналисты сгущают краски, смещают акценты, но чем тогда объяснить крайне низкий уровень доверия к судебной власти, почти повальную убежденность людей в продажности служителей Фемиды? Когда судебное решение общественности непонятно, странно, сомнительно, когда оно не укладывается в представления о справедливости, тогда неминуемо возникают подозрения в том, что либо судебная совесть, либо требования закона имеют червоточины. Конечно, законы юридические и законы нравственные не могут совпадать, но безнравственные законы в принципе не могут быть источниками права, поскольку – об этом знали еще древние римляне – *Jus est ars boni et aequi*¹.

– **Но право – категория вполне определенная, чуть ли не математически точная. А добро и справедливость – скорее из области этической, стало быть, субъективной. Можно ли объяснять одним другое?**

¹ Право есть искусство добра и справедливости (лат.)

– Не скажите. Право от справедливости невозможно оторвать ни этимологически, ни содержательно, ибо оно есть нормативно закреплённая и реализованная справедливость. Ещё древнеримские юристы вопрошали: «Quid leges sine, moribus vanae proficiunt?»², создавая тем самым базу для вывода блаженного Августина о принципиальной неотличимости лишенного нравственных начал государства от банды разбойников³. И чем меньше зазор между законом, судебным решением и чувством справедливости, тем выше будет доверие к власти, к государству в целом.

– Известный ленинский тезис о том, что законность не может быть «калужская или казанская», беспспорен во все времена. Обратная сторона законности – это, насколько я понимаю, права человека, которые законность и призвана защищать. Но появился уполномоченный по правам предпринимателей, завтра потребуют того же заправщики на бензоколонках, потом врачи-офтальмологи, затем расклейщики рекламы... Возникает, по сути, корпоративное право. Не последуют ли за ним и корпоративная его защита, то есть законность? Впрочем, это уже имеет место – неравенство перед законом. Или я неправ?

– Во-первых, права человека – вовсе не обратная сторона законности. Напротив, законность, или, выражаясь более современным языком, господство права, есть средство, обеспечивающее права человека. У нас хорошо об этом сказано в статье 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод чело-

² Что пользы в напрасных законах, где нет нравственности? (лат.)

³ Бл. Августин писал: «Что есть государство без Бога, как не банда разбойников».

века и гражданина – обязанность государства». А теперь – непосредственно к вашему вопросу. Появление уполномоченного по правам предпринимателей можно расценивать как продолжение линии на углубление специализации в сфере контроля над правоприменительной практикой. Правда, контроль этот преимущественно общественный и очень факультативный. Но и это вполне вписывается в общемировые процессы, где помимо обязательных для исполнения международных договоров и конвенций существуют источники так называемого «мягкого права» – декларации, рекомендации, модельные законы и т.п. Эти документы ни для кого не обязательны, но от их соблюдения или, напротив, от демонстративного игнорирования во многом зависит авторитет той или иной страны в современном мире, ее место в тех или иных международных рейтингах. В частности, я уверен, что уже сам факт появления института уполномоченного по правам предпринимателей позволит нашей стране хоть немного подняться в рейтинге, оценивающим наличие благоприятных условий для ведения бизнеса.

– Возможно, вы правы. Тем более что это решение было встречено общественностью благосклонно: не было ни протестов, ни возмущения. Но почему практически любые инициативы власти принимаются обществом в штыки? Ведь не злодеи же сидят наверху? Ведь не мечтают же они только о том, как бы сделать хуже людям? И, наверное, не по недомыслию так поступают. Во всяком случае, не все. При всем моем сдержанном отношении к сильным мира сего я так не думаю. Так в чем дело?

– Причин много. Во-первых, людям свойственно ошибаться, и одно это уже

объясняет многое. Во-вторых, людям не менее свойственно отождествлять себя, любимых, с государством, а свои интересы – с интересами народа. Такое можно наблюдать на любом уровне, вплоть до сельских органов местного самоуправления. В-третьих, выстроенная властная вертикаль не позволяет исправлять ошибки, если их источник находится выше. В-четвертых, никто не заботится о стройности и непротиворечивости нашей правовой системы. В парламенте и правительстве мне не раз доводилось слышать, что мои доводы о недопустимости разрушения общих принципов построения правовой системы ради сиюминутной выгоды (наглядные примеры – недавние законы о мирных собраниях и штрафах за нарушение порядка их проведения, об «иностранных агентах» и т.д.) никого не волнуют. А зря: разрушение основ до поры до времени незаметно, но в самый неподходящий момент оно легко оборачивается крахом государственности. В-пятых, нередко можно наблюдать ситуацию, когда руководитель, принимающий решения, не может сделать правильный выбор между возможными вариантами действия, поскольку либо не имеет достоверной информации, либо не верит ей, либо находится в плену собственной пропаганды. И это далеко не полный перечень причин, увы.

– Если бы наша беседа предназначалась не для православного журнала, я бы не задал вам этот вопрос. Но наши читатели, как говорится, меня не поймут. И потому я его задам. История с девицами-певицами из Храма Христа Спасителя. Мы беседуем в июле. Журнал выйдет в сентябре. К тому времени, возможно, что-то и изменится. Но наши личные

В этом стихотворении вы не найдете слово *милосердие*. Но вчитайтесь, вслушайтесь: каждая строка буквально кричит: *внемлите мне, люди! Не оставляйте меня наедине с собой!*

Автор недавно освободился из заключения. Стихотворение он написал еще в неволе.

АНГЕЛУ

*Опусти свои крылья, они закрывают полнеба.
Отпусти мои мысли. Они неразлучны с тобой.*

*Пусть ликует толпа, мне не надо ни зрелищ, ни хлеба.
И в толпе я – один. Не Иуда, не царь, не герой.
Не отец и не брат. Не торговец, не пахарь, не воин –
Крошка лагерной пыли, упавшая под сапоги.
Ты прости меня, Ангел. Я малого в жизни достоин.
Ты устал от меня. Улетай, я не вижу ни зги.
Не ценил, не берег, не любил. Не участвовал... Не был!
Слышишь, Ангел? Оставь! Не своди меня больше с ума.
Опусти свои крылья. Они закрывают полнеба,
А другие полнеба закрыла решеткой тюрьма.*

Игорь Акимов

позиции существуют независимо от этого, верно? Моя, например, сводится к тому, что мне их искренне жаль. Не за их страдания, а за то, что они, еще задолго до этой выходки, пали, жаль их души. А как вы относитесь ко всему этому и к тому, что вокруг?

– Здесь есть два аспекта: юридический и нравственный. Начну с первого. На мой взгляд, в действиях этих трех молодых женщин налицо состав преступления, именуемого «богохульство в храме». За подобное полагалось, если мне не изменяет память, до десяти лет заключения в крепости. Таковы были российские уголовные законы в начале XIX века.

– Но тогда Церковь и государство не были отделены друг от друга.

– Совершенно верно. В действующем Уголовном кодексе РФ ничего подобного нет, а следовательно, нужно руководствоваться статьей 54 Конституции РФ: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением».

В данном случае правоохранительные органы решили интерпретировать поведение этих трех женщин как хулиганство. Но проблема в том, что в действующем Уголовном кодексе РФ (статья 213) установлена ответственность не за всякое хулиганство, а только за такое, которое совершено либо с применением оружия, либо «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Действо в храме было совершено группой лиц по предварительному сговору, и в данном случае это – отягчающее обстоятельство. Если обвинению не удастся доказать, что мотивом, толкнувшим молодых женщин на их безобразную выходку в храме, была именно религиозная ненависть, то налицо окажется лишь мелкое хулиганство, то есть деяние, влекущее исключительно административную ответственность. Думаю, нашим правоохранительным органам так и следовало поступить с самого начала – составить протокол по статье 20.1 КоАП РФ, чтобы мировой судья отправил этих жаждущих популярности женщин на 15 суток.

Что же касается нравственной стороны поступка этих женщин, то здесь, мне кажется, спорить не о чем. Те из них, кто относит себя к верующим, – конфессия не имеет значения, – должны были задуматься о религиозном аспекте своего поступка, а атеисты – об этическом аспекте. В любом случае, вопиющая безнравственность их поступка налицо.

– Мне кажется, их все же осудят, но дадут срок, который они уже отсидят к тому времени в допре, и отпустят на свободу. Вы допускаете такой вариант?⁴

– Гадать не буду: в данном случае обвинительный приговор вне зависимости от меры наказания мне представляется незаконным и необоснованным, поскольку, как я уже сказал, *nullum crimen, nulla poena sine praevia lege*⁵.

– Прямая калька из апостола Павла: «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4:15).

– Римское право, между прочим, родилось не на пустом месте. К сожалению, мы часто об этом забываем.

– Михаил Александрович, мы знаем друг друга очень давно. Мне всегда импонировала ваша способность не изменять себе, своим жизнеутверждающим принципам. На чем сегодня основан ваш оптимизм?

– Только на знании, опыте и вере в то, что добро побеждает зло. Если оптимизм опирается только на достоверное знание, то это, скорее, предусмотрительность и четкий расчет. Если оптимизм зиждется только на почве личного опыта, он будет нестойк, как любое растение с мелкой корневой системой, ибо сегодня опыт может быть со знаком плюс, а завтра – со знаком минус. Если в основе оптимизма лежит только вера, то такой, с позволения сказать, *оптимизм* сродни фатализму, который отрицает свободу воли и оправдывает собственную пассивность. Как человек, не чуждый научного анализа, я вижу определенные признаки того, что сквозь асфальт и бетон пробиваются первые ростки молодой травы. Это еще не плоды и даже не цветочки, и все же трава растет от земли к небу, а не наоборот. У нее своя вертикаль – снизу вверх. Кстати, инициати-

вы власти в отношении гражданского общества всегда идут в прямо противоположном направлении – сверху вниз. Так посреди свежей травы вдруг порой появляются то бумажные розы, то груды камней, то коровьи лепешки. Но я верю, что трава будет расти и дальше. И знаю: чем чаще ты косишь свой газон, тем плотнее он становится.

– Вы – человек православной веры, проявляющейся не столько в обрядовой форме, сколько сущностно, духовно. Не трудно при этом существовать в нашем столь расцерковленном мире?

– Все мы живем в том мире, какой нам дан в повседневной реальности. Не будем ругать его за то, что он не идеален, – мы же тоже не идеальны, поскольку являемся частью этого мира. Не будем и воображать себе другого мира: те, кто живет иллюзиями, мало пользы могут принести не только себе, но и окружающим. А ведь именно через окружающих, через ближнего своего, можем мы ощутить плоды своего пребывания на Земле. Нет другого пути кроме пути долга. Мы должны, но и нам должны. Даже в Нагорной проповеди можно услышать тему взаимных обязательств: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить... Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф.7:1-2,12).

– И потому, как сказано у евангелиста Луки (6:36), – «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд». Аминь?

– Конечно, аминь!

СКРЕПЫ

Нет ничего равного милосердию Божией, нет ничего больше ее.

Преподобный
Иоанн Лествичник

⁴ Ред.: 17 августа суд приговорил их к двум годам колонии каждую.

⁵ Нет преступления и нет наказания, если нет соответствующего закона (лат.)

Марина Нецветаева

Фактор Ройзмана

Ройзман все же расстроен. Блогосфера горячо сочувствует. Когда сильный человек проявляет эмоции, хочется его поддержать. Мир устал от голливудских суперменов с железными нервами, а Евгений – настоящий. Может резко отреагировать, может огорчиться. Неприятного собеседника способен послать подальше, невзирая на журналистское удостоверение. И на депутатское тоже. Держит лицо, но при этом не стремится понравиться публике. С жесткой хваткой, демонстративно независимый, упрямый. Страна, которую долго били за любовь к героям, осторожно присматривается, верит и не верит. Он же бизнесмен, меценат. Один Музей Невьянской иконы чего стоит, при умелом пиаре можно было бы себе имя на весь мир сделать. Ну что ему надо от этих наркоманов? В чем выгода? А Бог его знает. Не умеет по-другому, и все.

Фонд «Город без наркотиков» (ГБН) был основан в 1999 году. У истоков стояли Андрей Кабанов, Игорь Варов, Евгений Ройзман и Андрей Санников. В том году шприцы валялись в Екатеринбурге на улицах. По цыганским поселкам бродили сотни наркоманов в надежде перехватить дозу. А чуть в стороне от страждущих толп мирно стоял милиционерский УАЗик с разложенной на капоте закуской и выпивкой. Стражи закона совмещали труд и отдых, приглядывая за ходом торговли. Впрочем, если Екатеринбург кажется слишком далекой точкой на карте, напомним, что в том же самом году в ночных клубах Москвы и Питера вошли в моду про-

«Сделали из меня какой-то фактор! И это хуже всего. С живым человеком справиться трудно, значит, надо понятие выдумать», – он не столько негодует, сколько иронизирует, этот неуемный, бесстрашный, не всем очень понятный человек.

кашки с «экстази», в вузы хлынул подешевевший героин, а продвинутая молодежь, вдохновленная тарантиновскими персонажами, оттягивалась с помощью кокаина. Кальян считался достойным подарком для босса. Поездившие по Европе сограждане обсуждали на кухнях тему «лигалайза», то есть узаконенной продажи гашиша и марихуаны. Афганский трафик возрос в 40 раз. В России произошла наркокатастрофа, но никто ее не заметил. После перестройки, рыночных реформ и дефолта, на фоне Чечни и начавшейся кровавой полосы терактов проблема казалась второстепенной.

«В середине 90-х у моих друзей стали умирать дети. Причем 15–16-летнего возраста. Убитые горем родители все скрывали. Говорили: “Умер во сне”, или “Остановилось сердце”, или “Задохнулся в гараже”. Боялись и стеснялись говорить правду. Но люди все понимали, потому что в те годы уже у очень многих дети стали наркоманами. Те, что были побогаче, отправляли детей в Испанию, в Эмираты, возили к Назаралиеву, платили сумасшедшие деньги, но ничего не помогало. Те, у кого денег не было, просто опускали руки. Помощи ждать было неоткуда. У меня товарищ есть – солидный мужик, директор завода. Многие его знают. У него в 1999 году из четверых детей наркоманами были... трое! Он даже понять не успел, как это произошло...» (Из книги Евгения Ройзмана «Город без наркотиков»).

Я все время пытаюсь понять: почему Екатеринбург? Почему не Москва первой объявила эту войну, как полагалось бы столице? Наверное, потому, что Урал всегда был территорией рабочей элиты. Там живут люди, которым стыдно унижаться и просить. Неправда, что пролетариату нечего терять, кроме собственного чепей: есть еще честь и достоинство. 30 октября 1999 года руководители недавно созданного Фонда вывели на площадь 1905 года в Екатеринбурге несколько тысяч человек. Это был самый массовый митинг в России против наркоторговцев.

За тринадцать лет работы фонда четыре реабилитационные центры прошло

множество наркозависимых. В 2003 году на день рождения Фонда в Шарташе собралось 400 бывших «клиентов». «С уверенностью, из опыта, могу сказать следующее: из тех, кто пробыл год, – не возвращаются к наркотикам больше половины. Кроме этого, пятнадцать человек на оперативной работе и еще пятнадцать – старшие механики, водители, все, кто работает у нас, – тоже из наших «бывших», многие не колются уже десять лет. Я, не объявляя общего сбора, когда по звонку соберутся несколько сотен человек, могу в любой момент показать вот этих. Найдите, у кого показатели выше», – говорит Евгений. Показатели – это количество ремиссий. Если в течение двух лет наркоман не употребляет наркотики, считается что он вышел в устойчивую ремиссию. По мнению официальной наркологии, избавление от зависимости происходит в 5–7 случаев из ста. Проще говоря, если сильно повезет.

В ГБН везут отовсюду. Тех, кому не помогло лечение в клиниках. Наркоманов, сбежавших из подобных центров, но с более мягким режимом. Мелких курьеров в возрасте от 16 до 20 лет, которым в спину дышит наркоконтроль: для них реабилитация – единственная возможность остановиться на пути в тюрьму. Подростков, подсевших на амфетамины и JWH, синтетическое зелье, вызывающее стремительную деградацию психики. Эта категория вообще не попадает в поле зрения наркологов, поскольку «скорости» и «смеси» не вызывают ломки и не дают физической зависимости. Везут дезоморфиновых, гниющих заживо, которых ни один врач в здравом уме и трезвой памяти к себе в отделение не положит, потому что смертность от «крокодила» высокая, а портить показатели – дураков нет. Сюда, как в Рим, сходятся все дороги. Когда уже все перепробовано и ничего не помогает, когда наступает «край», – кто-нибудь говорит: «Везите в “Город без наркотиков”, в России лучше них никого нет».

Так вот, с момента основания Фонда в этом самом «везите» и кроется загвоздка. Он постоянно сталкивается с препятствиями. Хотя совместно с Гос-

нарконтролем и сотрудниками полиции (нормальными честными ребятами, которых, в отличие от «оборотней в погонах», никогда не показывают в новостях) фондовцы ликвидировали несчетное количество притонов, выявили и помогли упрятать за решетку десятки крупных наркоторговцев, провели более 4500 операций. Ладно бы встречали наркдилеры: им весь бизнес в городе поломали. Но неприятности исходят как раз от правоохранительных органов. То и дело возбуждаются громкие процессы, подключается пресса. Имена руководителей Фонда мелькают в потоках откровенной клеветы. Не успело еще забыться громкое дело Егора Бычкова, не успели вынести приговор по Сагре, как местные силовики устроили разгром женского реабилитационного центра в поселке Сарапулка. Умерла Татьяна Казанцева, находившаяся там на реабилитации. Умерла от менингита. В больнице. Диагноз подтвержден и задокументирован врачами. Тем не менее двадцать второго июня в четыре утра сотрудники полиции окружили дом в Сарапулке. Опасаясь штурма, фондовцы вывезли часть реабилитантов. Их тут же задержали. И понеслось: выбивание показаний против Фонда, давление, угрозы. Мало того: первого июля штурм все-таки состоялся. В центр, где находилось двенадцать девчонок, ворвались СОБРовцы. В масках и с автоматами, как при захвате боевиков. Устроили обыск.

В результате действий правоохранителей фондовцам пришлось распустить реабилитантов, причем не только в Сарапулке, но и в мужском центре, поскольку их, как оказалось, насильно привезли и удерживают. «Приехал к ребятам на Изоплит, – рассказывает Евгений. – Парни, говорю им, сейчас вы держите судьбу в своих руках. Кто хочет, пусть уходит. Каждому, кто останется, обещаю личную поддержку и участие». До начала противостояния в центрах фонда находилось более 250 наркозависимых. Сегодня на Изоплите осталось 16 человек, 14 – на Белоярке, на Женском – 4 девушки. Из ушедших выживет человек 20, остальные умрут. Кто-то уже сидит, кто-то попал в реанимацию с переломом. Режим изоляции отменен, новых Фонд принимать не может. Плачущие матери обрывают звонки и ждут у ворот, но помочь им в данный момент нельзя.

Добровольность – это здорово. Хочешь – спасайся, не хочешь – погибай.

Толерантность... К наркоману бессмысленно применять категорию свободы воли, данной человеку от Бога. У него, при чудовищно раздутом «Я», воля полностью атрофирована. Чтобы ее оживить, нужно перекрыть доступ к кайфу. Резко, быстро, без предварительных уговоров. Наркологи называют это «обрыв». В ГБН это – изоляция и строгий распорядок. Православным духовникам, окормляющим наркозависимых где-нибудь в лесном скиту, чуть легче: от городов далеко, а дороги такие, что большую часть года без трактора не проехать. И монахи не занимаются борьбой с наркоторговцами, а то им, чего доброго, тоже вменили бы насильственное удержание. Плюс преступный сговор с погодными условиями.

В центре на Изоплите я побывала. Забор как забор, никакой колючей проволоки. В конуре живет алабай, которого парень в ватнике придержал носком сапога, чтобы дать мне пройти по территории, взглянуть на часовню. Ее построили сами. На заднем дворе авторемонтная мастерская. Еще, кажется, свинка есть с поросятами. Изоплит маленький, на Белоярке хозяйство побольше. Жизнь в Фонде ничем не напоминает клинику, где за наркоманом ухаживает целый штат сотрудников. Здесь от этого отказались. Дело в том, что все без исключения наркозависимые крайне инфантильны. Пока рядом есть хоть одна сердобольная душа, готовая кормить, согреть и жалеть наркомана, он будет колотиться. Поэтому ни услуги, ни охраны в ГБН нет. Сами готовят, стирают, убирают. Сами себя сторожат. Кто дозрел до нормальных контактов с внешним миром, выходит на работу. Акт «приема-передачи» новичка в Фонд записывается на видео (не тайно!). Человек раздевается до белья, камера фиксирует, есть ли повреждения на теле. Чтоб было видно, что его не в цепях притащили. И так, стандартные наркоманские нарушения: порезы, язвы, сбитые костяшки пальцев, искрошенные зубы. Красные воспаленные глаза, ребра, обтянутые кожей. Дерганые все. Перед камерой нужно представиться и назвать дату прибытия. Оказалось, проблема: почему-то никто не может ответить правильно. Наконец вопрос: «Приехал добровольно?» – «Да». Сколько их, таких: «Да, да, да». За каждым – драма. Отчаяние, слезы, увещевания. И горы усталости. Усталость – последнее из человеческих чувств, доступное

наркоману, потому что ложь и вина истощают хуже наркотика.

«Хотелось завязать со всем этим... Было желание снова жить, общаться с нормальными людьми», – рассказывает Алла, выпускница Фонда. Совсем юная, очень красивая девочка. Аллу никто не уговаривал приехать. После нескольких самостоятельных безуспешных попыток обратилась сюда. А вот 27-летнюю Машу из Москвы в Фонд, можно сказать, заманили. В семье четверо детей. С младшими все в порядке: спорт, образование, перспективы; со старшей – беда. Наркотики Маша начала употреблять еще в школе. Классический случай: каннабиаты, затем героин. Маша лечилась в клинике, несколько раз пережила ломку на дому. Безрезультатно. Из софринского центра убежала через три дня. И тогда мать посадила Машу в машину и, лишь отъехав на 400 км от столицы, сказала: «Мы едем в Екатеринбург». Дочь только спросила: «Почему так далеко?».

Прошел год. «Мам, я работаю, мне нравится! Я хочу здесь остаться!» – это голос Маши в трубке. Она была старшей на Женском, ей все доверяли. После июньских событий, когда многие девчонки ушли, Маша сказала: «Я никуда не пойду, я жить хочу!». Потом случился штурм. Машиной маме позвонил Евгений Малёнкин, вице-президент Фонда. Женский центр когда-то был его личной победой, главной зоной ответственности. «Поезжайте на Афонское подворье, закажите акафист „Умягчение злых сердец“». Видимо, молитвы дошли: когда через несколько дней в Москву прилетел Ройзман, пресс-конференция в «Комсомолке» и прямой эфир прошли со счетом 10:0 в пользу Фонда. У всех отлегло от сердца. Но пятого июля мне пришла эсэмэска: «У меня горе, моя сбегала». После всех волнений мать оказалась в больнице. Днем она лечится, на ночь уходит домой к детям. Сама Маша обретается где-то на съемной квартире в Екатеринбурге, вместе с молодым человеком, тоже из реабилитантов. Раньше их бы нашли и вернули в Фонд. Сейчас они предоставлены сами себе. Шанс у ребят есть, но достаточно кому-то из пары сорваться – погибнут оба.

А надо ли вообще давать кому-то шанс? Может быть, Евгений Вадимович своей суровой милостью к падшим лишь усугубляет ситуацию? Наркотики влекут за собой криминал, это общеизвестно. Сегодня попробовал, завтра втянулся,

послезавтра приятелей угостил, потом пошел отнимать мобильники у прохожих, потом – раз! – уже сам торгуешь, а дальше либо наркы, либо кладбище. Так, может, туда и дорога? «Сдохни, наркоман проклятый» – именно так большинство формулирует отношение к проблеме наркомании. И если вы, уважаемый читатель, его разделяете, я предложу простой эксперимент. Возьмите лист бумаги и напишите на нем имена знакомых из постоянного круга. Друзей, коллег, одноклассников. В среднем человек 30 получится. Теперь отметьте галочкой всех, кто «в теме». Тех, у кого в родне есть наркоманы, у кого сват или брат сидит по 228-й, тех, кто дружил с наркозависимыми или пытался создать с ними семью. Не забудьте и тех, кто «баловался травкой» в юности, а главное, тех, кто продолжает сейчас: их лояльность порождает миф о безопасности легких наркотиков, жертвой которого является, по экспертным данным, каждый пятый старшеклассник в России. Наконец, посчитайте процент галочек. Цифры покажут, в какой мере наркотики вторглись непосредственно в вашу жизнь.

Край давно настал. Просто Евгений Ройзман его видит, а мы – нет. Нам все еще кажется, что это происходит на другой планете, с другими людьми. Плохими. А мы хорошие. Наши дети никогда не станут наркоманами, потому что мы их очень любим, не балуем, прививаем духовные ценности, подаем хороший пример, водим в спортсекции, обучаем языкам... Каждый второй родитель из ГБН скажет то же самое и не согрешит ни на йоту. Главный нарколог страны Евгений Брюн еще в 2010 году отметил, что «любая проблема в подростковом возрасте может привести к наркотикам». Беспроблемное воспитание – такая же ненаучная фантастика, как «исцеление

от наркомании за один день». Но винить семью, равно как и дурные времена, выгодно, поскольку подобная позиция позволяет не предпринимать никаких шагов. Не нужно тратить деньги на создание центров социальной реабилитации, на подготовку специалистов. Можно работать, не напрягаясь, по привычной схеме: полиция худо-бедно контролирует наркопоток, отслеживая крупных оптовиков и не обращая внимания на всякую районную мелочь, медики проводят очистительные процедуры (детокс) и... отпускают пациента восвояси. Именно за сохранение этой схемы, коррупционной по сути, борются с Фондом представители екатеринбургского ГУ МВД. Без агентства по реабилитации, как считает глава Роспотребнадзора Геннадий Онищенко, мы тоже прекрасно обойдемся. Хотя одна из главных проблем, с которой сталкиваются родственники зависимых, – информационный вакуум. В случае пожара или грабежа ясно, куда звонить и что делать. А на сайте ФСКН телефоны известных клиник соседствуют с координатами полусектантских организаций. Что там ждет и сколько стоит курс – неизвестно. К счастью, в «Городе без наркотиков» – полная прозрачность. Вся информация о Фонде, позитивная и негативная, есть в Сети. Заходи, читай отзывы, сравнивай. Думай. Кстати, страшилок про Фонд за тринадцать лет набралось столько, что на целый сериал хватит. Но Ройзман этого не боится. Сила в правде, а правда такова: наркомафия наступает лишь там, где дозволено. Мне лично трудно представить, чтобы Екатеринбург в одну ночь весь оказался бы разрисован рекламой наркотиков, как это случилось нынешней весной в Москве. Тамошние наркоторговцы знают, что ответная реакция не замедлит, поскольку за Фондом стоят не ведомства,

не исполнители, которым отмашка нужна, а конкретные люди, взявшие на себя инициативу. Больше всего в действиях фондовцев удивляет не смелость, а последовательность. Но, видимо, нельзя всерьез заниматься собиранием старинных икон и спокойно наблюдать, как живой образ Божий втоптывают в грязь.

Когда началось противостояние, жители Екатеринбурга пришли к офису на Белинского, 19, чтобы поддержать Фонд. За один день было роздано пять тысяч наклеек с эмблемой – симпатичным дельфинчиком. Рейтинг Евгения Ройзмана, которому политике нужна лишь в качестве рабочего инструмента, среди населения выше, чем у всей оппозиции, вместе взятой. Таких личностей на всю Россию немного. Ну, доктор Лиза Глинка. Чулпан Хаматова. Горстка отважных священников и журналистов. Леонид Рошаль. Кураев, в чьем форуме семь лет назад зародилось отечественное волонтерское движение. Несколько человек понадобилось, чтобы задать планку поступка, пробудить интерес. В результате что-то важное, долгое время ржавевшее без пользы, ожило. Участники сетевых обсуждений стали объединять усилия для реальных дел. И в 2010 году, когда начались пожары, люди, привыкшие считать себя никчемными и равнодушными, вдруг с изумлением поняли, что способны эффективно справляться с проблемами, не дожидаясь милости от властей. Появилась воля к самоорганизации, произошел сдвиг в сознании. Огонь потушили, стремление к активности осталось. Обратное, в наркотическую прострацию нулевых, не хочет никто. Сегодня общественное движение набирает силу в самых разных сферах жизни. В этом и заключается фактор Ройзмана.

Екатеринбург – Москва

Пока на всех наркобаронов не надели наручники...

... приходится таким жестоким образом спасать этих несчастных от гибели.

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Роман Алексеевич Илющенко, подполковник</i></p>	<p><i>Полина Дунаева, 32 года, бухгалтер</i></p>	<p><i>Николай Александрович, 65 лет, пенсионер</i></p>
<p>Как вы считаете: нужен вопросительный знак в названии темы номера? Если нет, то почему?</p>	<p>Я бы здесь сказал, милосердие должно быть выше закона. Вопрос не стал бы ставить.</p>	<p>Я бы тоже поставила вопросительный знак. Потому что как-то непривычно: милосердие выше всего, даже выше закона. Надо подумать, посоветоваться...</p>	<p>Трудно сказать. Милосердие и закон должны быть идентичны и работать на людей. Если милосердие будет выше закона, оно будет использоваться в корыстных целях.</p>
<p>Если милосердие выше закона, может быть, закон и не нужен? Достаточно быть милосердным?</p>	<p>Нет, закон нужен, потому что не все люди правильно понимают, что такое милосердие, и не все готовы понести его. Милосердие милосердием, а закон должен контролировать, направлять и ограждать тех людей, которые не хотят быть милосердными.</p>	<p>Это зависит от того, что понимать под законом. Мне кажется, нужно быть милосердным всегда, а закон нужен для установления и поддержания порядка.</p>	<p>Я считаю, что понимание милосердия нужно разъяснять всем без исключения – и президенту, и Думе, и нам, простым людям. Вот для этого и нужен закон.</p>
<p>Есть, по-вашему, разница между словом «Закон» с большой буквы и «закон» с маленькой? Если да, то в чем она?</p>	<p>Для меня Закон с большой буквы – это Закон, который дан нам Богом, и тот Закон, который не меняется из-за ситуации. А закон с маленькой буквы создается людьми.</p>	<p>Конечно, огромная. Закон с большой буквы – это неоспоримость: видя его, человек психологически обращает на него внимание. А закон с маленькой буквы – это правила поведения, что ли...</p>	<p>Не должна быть, а в действительности есть. Закон с большой буквы я понимаю как Закон для всех. А он у нас с маленькой, потому что действует выборочно.</p>
<p>Согласны ли вы с тем, что законы, создаваемые людьми, должны вытекать из Божественных установлений, или это отдельная сфера жизни?</p>	<p>Конечно, должны вытекать, но, к сожалению, это не так.</p>	<p>Думаю, что да, должны. И это было бы очень неплохо, потому что не все, что издает законы, делают их правильными, бывает, они противоречат нашей жизни. Но в нашем светском обществе это, к сожалению, невозможно.</p>	<p>По-моему, это отдельная сфера жизни. Как Церковь отделена от государства, так и Божественные законы должны существовать отдельно от земных.</p>
<p>Приходилось ли вам проявлять милосердие к тому, кто нанес вам обиду, причинил физический или материальный ущерб?</p>	<p>Вопрос провоцирующий, хочется крикнуть: «Да, конечно!». Проявление милосердия заключается в том, чтобы я, когда мне сделали очень плохо, не держал зла.</p>	<p>Да, приходилось.</p>	<p>Да, приходилось. Не скажу, что это всегда было легко. Но потом, когда простишь, испытываешь такое облегчение, как будто это простили тебя.</p>
<p>Что могло бы сделать людей милосерднее?</p>	<p>Личный опыт, то есть когда сам нуждаешься в милосердии. Тогда хорошо понимаешь тех, кто, как и ты, нуждается в милосердии.</p>	<p>Вера. Как раз таки Законы Божии.</p>	<p>Милосердие людей может сделать только общее равенство между руководителями всех рангов и простыми людьми. И еще. Если один богатый, а другой бедный, то милосердия не будет.</p>

МИЛОСЕРДИЕ ВЫШЕ ЗАКОНА?

Анкета «Лампады»

<p><i>Наталья Александровна, 61 год, пенсионерка</i></p>	<p><i>Сергей, 18 лет, студент</i></p>	<p><i>Татьяна, 52 года, домохозяйка</i></p>	<p><i>Александр, 41 год, работник торговли</i></p>
		<p><i>(сниматься отказалась)</i></p>	
<p>Даже не знаю.</p>	<p>Я думаю, нужен.</p>	<p>Не знаю.</p>	<p>Нет, не считаю.</p>
<p>Я думаю, что достаточно быть просто милосердным.</p>	<p>Даже не знаю, тут и закон нужен, и милосердие. Сложно ответить, потому что если не будет закона, то что? Каждый делает что хочет?</p>	<p>В некоторых моментах закон обязательно должен быть. Иначе все пойдет наперекосяк.</p>	<p>Недостаточно. Без законов не обойтись.</p>
<p>Мне кажется, что нет разницы никакой.</p>	<p>Разница есть, потому что Закон с большой буквы – это значит, все идет по закону, как написано, без каких-то отклонений, а с маленькой буквы – это значит, кому как нравится, так и трактует.</p>	<p>Есть. Если Закон с большой буквы, то он закон, а если с маленькой – он и не закон, лазейка такая.</p>	<p>Да, есть разница между Законом с большой буквы и законом с маленькой: Божий и человеческий.</p>
<p>Согласна. Но нередко законы не совпадают с Божественными установлениями.</p>	<p>Обязательно. В Божественных установлениях есть такие принципы, такие Законы, которые преступать никак нельзя.</p>	<p>Да, обязательно. Ведь все идет от Бога. Значит, и законы тоже должны идти от Него.</p>	<p>Не знаю, как ответить на этот вопрос.</p>
<p>Обид много было, физический и моральный ущерб тоже, но ко многим все равно удавалось проявлять милосердие.</p>	<p>Да, приходилось, потому что отвечать злом на зло – нехорошо, неправильно.</p>	<p>Моральный и материальный ущерб был, и обиды тоже, но я не жалею об этом и, главное, не держу зла на этих людей.</p>	<p>Да.</p>
<p>Только доброта, сердечность. И еще честность.</p>	<p>Даже не знаю. Может быть, отдельные личности, которые всегда милосердны, будут изменять людей постепенно.</p>	<p>Конечно, вера в Бога.</p>	<p>Доброта.</p>

Наталья Лайдинен

Курская жемчужина

Давно запланированная и горячо ожидаемая поездка в соловьиный край – город Курск – стала для меня очень интересным, важным и запоминающимся событием. В этом городе, расположенном на красивейшей Среднерусской возвышенности, можно вживую соприкоснуться с историей, увидеть и узнать многое о прошлом и настоящем черноземной российской глубинки, получить новые яркие впечатления.

– Вам в Коренную пустынь обязательно надо поехать! – мягко, но настойчиво рекомендовал мне каждый местный житель, с которым я заговаривала на улицах Курска. Для курян Коренная пустынь – настоящая святыня, вызывающая гордость за родной край, связывающая с памятным прошлым. И я решила последовать совету. Всего сорок минут среди полей и деревушек на маршрутном такси – и я у цели. Остановка с неожиданным и говорящим названием «Свобода». Первое, что меня встречает, – указатель на командный пункт маршала К.К. Рокоссовского, где ныне находится музей. Война не отпускает и в святых для православных людей местах: удивительно, что точку для расположения штаба Центрального фронта прославленный командующий выбрал именно здесь.

Коренная пустынь – место удивительное, красота и благодать здесь необыкновенные. Игра пространства, высоты, сочетание изумрудной зелени травы со спокойной небесной голубиной и желтоватыми водами реки мгновенно настраивает на созерцательный лад, переключает с ритма городской суеты.

Легенда Пустыни уводит нас в далекие времена, когда в 1295 году в корнях дерева была найдена лежавшая ликом вниз икона Божией Матери. Нашедший икону охотник из Рыльска поднял ее, и из корней дерева тут же забил целебный источник. Звероловы соорудили на этом месте деревянную часовню, в которую сразу стали стекаться люди из окрестных деревень. С иконой связано множество чудес, явлений и исцелений. В 1597 году на месте ее обретения основали монастырь.

Сама икона позже была перенесена в Знаменский собор Курска, в течение трех столетий крестный ход с иконой до Коренной пустыни и обратно собирал сотни паломников. По преданию, однажды из-за распутицы икона была внесена во двор дома, где находился

заболевший Серафим Саровский, которому было явление Богородицы о скором исцелении. Будущий праведник выздоровел и вскоре выбрал для себя в жизни духовный путь.

В царские времена мужской монастырь Коренная пустынь считался одним из крупнейших в России. При советской власти храмы на территории Пустыни были взорваны, восстановление началось лишь в 1989 году. Уцелевшая во всех перипетиях и войнах, долго скитавшаяся по разным странам икона находится сейчас в Синодальном Знаменском соборе в Нью-Йорке. Считается, что она олицетворяет божественное заступничество за русский народ, рассеянный по всему миру. Приезд иконы в Курск в 2009 году, впервые за 90 лет, стал большим событием в жизни горожан.

В обычные дни в Коренной пустыни можно увидеть список удивительной иконы. Ее точно обвивает виноградная лоза, идущая от Вседержителя дальше, к царям Давиду и Соломону, великим ветхозаветным пророкам, словно подсказывая извилистый путь развития человечества... Именно виноградная лоза – один из символов, часто встречающихся в украшении восстановленных храмов Пустыни, которая ежедневно принимает многочисленных паломников, выглядит торжественно и празднично.

Продолжается традиция, почти утраченная за годы советской власти, люди тянутся к этому удивительному месту, говорят, что оно особое, сильное. А вода из Коренной пустыни до сих пор считается уникальной, целебной, за ней специально приезжают не только из Курской области, но даже из Москвы. Специально для паломников здесь оборудована удобная гостиница. Чтобы набрать ведро воды, нужно спуститься вниз по холму по длинной крутой лестнице. Говорят, что в советское время, чтобы добраться до источника, каждую весну люди делали ступеньки прямо в глинистой почве...

Искупаться в источнике – особенная радость. Все, с кем удалось поговорить, наперебой рассказывают, как смывает водичка усталость и печали, суету и тяжелые мысли. Люди выходят из купелей, действительно чувствуя себя обновленными.

Как мне рассказали паломники, все люди приезжают сюда с разными целями. Будущие молодожены просят семейного счастья и долгой любви. Школьники и студенты – успехов в обучении, а пожилые люди молятся о здоровье.

А еще это особенные, вдохновенные места, где творческая энергия как будто разлита в пространстве. Неподдалеку от Коренной пустыни жил и творил замечательный русский лирик А.А. Фет. Его усадьба и сегодня – центр притяжения творческих людей, здесь проходят Фетовские чтения, поэтические фестивали.

Гостеприимна и добра Курская земля, она щедро одаряет вдохновением, заряжает энергией, открывает историческую память, знакомит с судьбами удивительных людей, раздвигая границы привычного пространства. Сюда стоит приехать хотя бы для того, чтобы пропустить через себя волны времени, памяти и надежды, задуматься о прошлом и постараться двинуться в будущее без повторения мучительных уроков прошлого.

Люди не хотят привыкать к плохому

Сначала я читала его книги. Повесть о старом московском дворе, где вырос. Рассказ о соседке по коммуналке. Книгу для детей и о детстве двух малышек-сестричек.

А потом я прочла его серьезное исследование о нашем знаменитом классике. «*Душа слышит свет. Н.В. Гоголь – про нас*». И снова повеяло той же свежестью. По нынешним-то временам – из какого оазиса? На обложке к имени автора – Николай Булгаков – теперь добавлено: священник. Так я встретила с отцом Николаем, настоятелем храма иконы Божией Матери «*Державная*» (г. Жуковский, пос. Кратово) и членом Союза писателей России.

Инна Руденко

– Николин день, свои именины, вы, батюшка, провели... с «Комсомольской правдой», радостно приняли у себя в церкви большую группу ветеранов нашей газеты. Как это случилось? Почему? Знаю, конечно, что вы работали в «Комсомолке», в «Алом парусе» – странице для подростков, посвященной нравственным проблемам, духовным исканиям, где газета старалась в первую очередь растить не октябренька, пионера и комсомольца, а Человека. Какая-то ниточка протянулась от «Алого паруса» в вашу сегодняшнюю жизнь?

– Когда я шестнадцатилетним пришел в редакцию, то был поражен. Официальная комсомольская газета, а в редакции – такая простота и искренность, столько жизни в этом длинном коридоре... Это было просто счастье. Конечно, совсем не просто проходило в газету то, что нам хотелось. Допустим, прочли в отделе, потом вы, Инна Павловна, наш редактор, одобрили (я с замиранием сердца спрашивал: «Ина Пала подписала?») Потом еще выше... А потом – «Опять Булгакова сняли». Мы смеялись: «Мышка бежала, хвостиком махнула, наборчик упал и рассыпался».

Сегодня нашей молодежи очень нужен «Алый парус» – целомудренный и честный. В жизни столько чистого, умного, доброго, святого!.. Помню, в самом начале моего служения в Жуковском, пятнадцать лет назад, уборщица в мэрии сказала мне то, что запомнилось на всю жизнь: «Люди не хотят привыкать к плохому». По-моему, это главные слова, крик души народа.

– Не кажется ли вам, что сегодня в обществе есть какое-то предощущение перемен? Что нас ждет в будущем? Туда ли идем? Модернизация,

инновации, нанотехнологии – эти понятия не сходят с языка. А кто будет их воплощать? Внимание политикам, чиновникам, менеджерам – а какие они как люди, человеки? Известный депутат говорит: «Как человек я очень сочувствую снятому мэру. Но как политик осуждаю его». Популярная писательница пишет: «Как человек он сочувствовал имярек, но как милиционер не мог поступить иначе. Победил профессионал». Вспоминают в одной газете ушедшего из жизни министра, перечисляют его служебные заслуги, а в скобках: «Он вообще был хорошим человеком». Да почему в скобках-то такое важное? Модернизация, безусловно, нужна, но кто ее будет делать? И хочется вслед за чеховским Фирсом сказать: «А человека забыли...». Или я не права?

– Именно так. Действительно, кто будет делать? И, главное, для чего? Спросим себя: в нынешнем обществе люди, отношения между ними стали лучше или хуже? Горько, но надо признать: жизнь стала жестче, безжалостнее к человеку, и люди стали другими. В юности казалось, что наша советская жизнь бесчеловечна, – нигде запросто не поешь, никуда не сходишь, не поедешь, свободно не считаешь... Нам казалось: дайте людям свободу – и они станут делать добро. И жизнь, мол, все сама отладит.

Мы и представить не могли, что нынешняя реальность откроет и главную ложь всех революций: люди, получив свободу, якобы воспользуются ею для того, чтобы творить одно добро. Увы!.. Люди чаще бросаются делать зло. Почему? Потому что все мы – грешны. И об этом напрямую говорит христианство. Одна наша лень чего стоит! Но даже она уступает сребролюбию, и люди, преодолевая лень, работают сутками –

торгуют, торгуют, торгуют... Когда мы и представить еще не могли, что такое жизнь по закону «деньги решают все», прозорливый старец, протоиерей Николай Гурьянов с острова Залита под Псковом, говорил: «Дьявол бросает свое последнее оружие – деньги».

«Свободная жизнь» вроде бы устроена с заботой о человеке: купи – мы выполним все твои желания. Но ведь суть этого – не любовь к человеку, а прибыль. А она стремится не делать добро человеку, а всего лишь быть как можно больше. Мальчишкой я страшно любил Маяковского, прочел его насквозь. Сделавшись священником, чаще всего стал вспоминать стихотворение о самом, как теперь мне видится, главном для всех нас: «Что такое хорошо и что такое плохо». А теперь вспоминаю его особенно часто.

Разница между добром и злом всегда огромна. Как между жизнью и смертью. И считать зло всего лишь «альтернативным поведением» – уже зло само по себе. «Хорошо» – то, что приносит прибыль? Но прибыль рождается грехом, прежде всего смертным, и чем глубже порок, тем большую прибыль он приносит.

С экономической свободой в нашу жизнь вошел дух эгоизма. Это очень сильный дух. Он пропитывает все общество, входит в души людей. Мы и представить не могли, что внешняя свобода несет и несвободу, причём более тонкую, изощренную, чем не-

свобода советская. «Свободная жизнь» с ее океаном вещей постоянно давит на человека, измельчает его интересы. Обществом, цель которого – деньги и их трата, управляет очень жестко мода: мобильник – только такой, плеер, телевизор – только такой, сегодня всем одеваться только так, завтра – только наоборот!.. И так во всем: в образе жизни, в темах и интонациях разговоров, в видах развлечений... Получается, что человек шагу не может ступить «не так, как все». Он же не впишется в компанию, в коллектив на работе, его не будут уважать (хотя, кажется, за что уважать-то?). Он должен быть винтиком определенного калибра в этой огромной машине, иначе она его отвергнет. Это, по сути, тоталитарное общество. Да и лжи тоже стало больше, потому что она проникает теперь во всю частную жизнь человека.

Так что качество жизни в первую очередь определяется тем, что наполняет наше сердце: любовь, доброта, смирение – или эгоизм. И свобода – это тоже прежде всего то, что внутри нас. Господь сказал: «Всякий делающий грех есть раб греха».

Один немец, бывший у нас в плену, рассказывал мне, как он когда-то заболел и русская бабушка, у которой он жил в избе, сама пристроилась на пол, а его положила на печку. И он запомнил эту бабушку на всю жизнь. Другая наша бабушка, когда кормила такого же несчастного пленного «фрица», жалея его, приговаривала: «Ешь, ешь, беденький фашист...». А когда он вернулся в Германию, пожил у родной сестры, та представила ему потом счет, на сколько он наел. «И я теперь благоговею перед русским народом», – говорил тот, кто шел нас побеждать, но сам оказался дважды побежденным: и силой нашего оружия, и щедростью нашего сердца. В нынешнем наступлении на наш дух нам нельзя растерять главное сокровище: великодушие и жертвенность.

– «Что я один могу»? Как часто мы так говорим или думаем. Появились новые присказки: «Это ваши проблемы», «Все заняты своими проблемами, а мне что – больше всех надо?», «Все воруют, а я что – не могу утащить и толику?», «Кругом грязь, а я один должен быть чистеньким?». Это приводит к бессилию и унынию одних и к агрессивности, эгоизму

других. Отец Николай, замечали ли вы нечто подобное в ваших прихожанах? Что огорчает и что радует вас в вашей пастве?

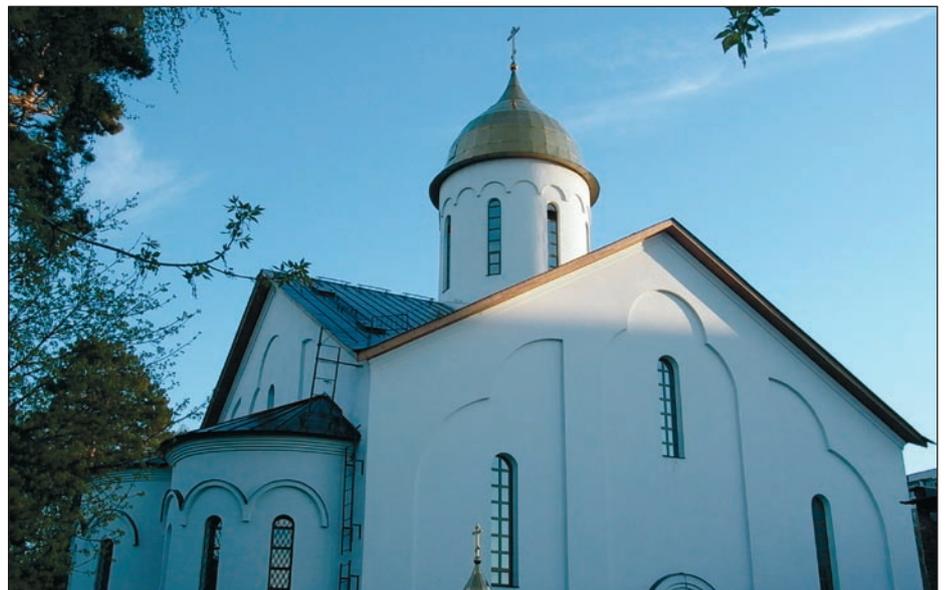
– Главная радость – видеть лица прихожан на службе. Больше всего огорчает наше равнодушие к Богу – главная причина всех наших бед. Это понятно: человек живет не сам по себе, все живое живет силой Божией. Печально, когда уже не большевики-безбожники, а крещенные родители выступают против православия в школе: «А что же, мой ребенок будет тогда “белой вороной”? Ему трудно будет в жизни». Мой первый рассказик в «Алом парусе» как раз назывался «Белая ворона». И вот, получается, тема эта опять злободневна. Ты боишься быть «белой вороной»? А чего тут бояться? Белый цвет – символ чистоты. Быть чистым душой и телом, сохранив целомудренную юность, душевное и телесное здоровье, вступить в настоящий, юридический и венчанный брак, а не в придуманный «гражданский», родить много деток, не убив ни одного своего ребенка, прожить всю жизнь в любви и согласии с их отцом, даже в мыслях ему не изменив, – что тут плохого?

А что, если нашей молодежи создать сегодня «Общество белых ворон» под девизом «За целомудрие мыслей, слов и дел, за счастливую судьбу!». Девушки могли бы носить особенные белые платочки, белые блузки, парни – белые кепки... И нисколько не стесняться этого выбора!

– Отец Николай, а чем объясняете вы такой парадокс: церковью становится все больше, а общественные нравы не делаются лучше? И даже, как утверждают многие эксперты, общество больно.

– Уравнение неполное. Нравственное состояние общества зависит не только от количества церкви, но и от многого другого. Когда вливается через одну трубу, а выливается через двадцать – как наполнить такой бассейн? Прежде всего, больны, по-моему, средства массовой информации. Через них сегодня действует тот же враг рода человеческого, который в советское время насаждал безбожие и направлял людей взрывать церкви, он всего лишь сменил тактику. Могли ли мы, Инна Павловна, представить себе, что по всесоюзному радио будет раздаваться матерщина, по центральному телевидению – показываться бесконечные насилия и постельные сцены? Что новостью будут считаться исключительно сообщения о том, кого где убили, что взорвалось, кто от какой жены ушел?

Нравственная цензура необходима. Она не ограничивает права человека, но охраняет его право на чистоту души. Свободнее ли сегодня пишущим людям, чем было нам когда-то, примут ли у них простое, искреннее, доброе, чистое слово, даже и слово православное, если они очень захотят его напечатать, – или скажут, что это читателей не интересует, это «нетиражно», людям нужны сплетни, «клубничка»? Еще в советское время

Храм иконы Божией Матери «Державная» в поселке Кратово

один из наших старцев, иеромонах Се-
рафим (Орлов), говорил, как поступать:
«От нас зло не должно исходить».

«Что я могу?» Вот это мы все и мо-
жем: побеждать зло в себе, с Божьей
помощью. Сегодня, когда мы внешне
беззащитны перед наступлением зла,
особенно важен духовный труд каж-
дого человека, который может соеди-
ниться в неодолимую духовную силу
всего общества. Добра всегда в жизни
больше, чем зла, и оно всегда силь-
нее, а главное, оно созидает. Зло – это
пустота, отсутствие добра. Так же и
тьма – это всего лишь отсутствие све-
та. Зажги одну свечечку – и тьмы нет.

– Много лет назад в Италии беру
интервью у Адриано Челентано, тогда уже
прославленного певца и
вчерашнего простого, бедного пар-
ня. Роскошный особняк, бильярд
в нем, везде бутылки, бар. Уловив
мой взгляд, вздыхает: «Христос для
меня – тормоз». Представляю, как
это высказывание кого-то может
покоробить. «Огорчен верующими,
утешен неверующими» – это вы-
ражение я услышала тоже много
лет назад во Франции, на русском
кладбище Сент-Женевьев-де-Буа от
священника отца Силуана, маль-
чиком вывезенного в эмиграцию и
взрослым лишь три дня проведенного
в России. Он объяснил: «Утром во-
шла в церковь девушка, и ее с по-
рога прогнала старушка-служанка:
в брюках и руки оголены. Да чело-
век, войдя в церковь из любопыт-
ства, может выйти с благодатью!
А вечером и всю ночь мы погово-
рили в гостинице с шофером, совсем
не церковным человеком, о России,
о душе человеческой, искренне, теп-
ло, – такое тут, во Франции, невоз-
можно». Быть может, формализм,
фанатизм и даже мракобесие не дают
иным прихожанам истинно преобра-
зиться в церкви?

– Что касается фанатизма, то
среди верующих замечаю его ред-
ко, а мракобесия вообще не ви-
дал. Истинная вера не фанатична,
она – любящая и смиренная. Там,
где она слабеет, ее место заполня-
ет фанатизм. И второстепенное вы-
ступает как главное в жизни. Так
возникает фанатизм спортивных бо-
лельщиков, музыкальных фанатов...

И, конечно, самый упорный и опас-
ный – фанатизм в отрицании истины.

Каждый человек признает, что мир
для него полностью непостижим, со-
ответственно непостижим и для всего
человечества – иначе чем тогда занима-
ется наука? Ведь она пытается открыть
то, что уже есть, но чего никто из лю-
дей пока не знает. Ведь и до Менделее-
ва была та закономерность, которую он
открыл. Значит, жизнью всегда управ-
ляет Тот, Кто безмерно мудрее всех
людей, то есть Бог. Разве не фанатизм
отрицать это?

– Актриса Вия Артмане, кра-
савица и любимица всего Союза,
полузабытая-полунищая на родине,
в Латвии, перед смертью просила
отпеть ее по православному чину и
похоронить на русском кладбище.
Как сказала, «в знак благодарности
к русскому народу». Известны слу-
чай, когда, наоборот, православные
переходят в ислам, буддизм... Как
вы к таким переходам относитесь?
В обществе сильна вражда наци-
ональностей, а как с религиозными
конфессиями? Что для вас толе-
рантность?

– Народная артистка СССР (выс-
шее звание для артистов в то время)
Вия Артмане была неотделима от на-
шей общей культуры – вот, если хоти-
те, «толерантность по-русски», когда
у нас была великая и единая страна,
общая высокая человеческая культура.
Актриса из Латвии играла в кино рус-
ских героинь, и ее дублировали рус-
ские актрисы, потому что она говори-
ла с акцентом. И мы любили ее, и вы
о ней сегодня с теплом вспоминаете.
А она любила русский народ, говорила,
что он ей очень близок открытостью
души, уникальным восприятием чело-
века. Говорила, что от общения с рус-
скими она преобразилась. Естественно,
ее тянуло к нашей вере, и она при-
няла православие с именем Елизавета.
И слава Богу.

В 1917 году была поставлена задача
полного уничтожения всей нашей ду-
ховной, культурной, исторической тра-
диции. То есть была объявлена полная
нетерпимость ко всей нашей неповто-
римости. От этой беды мы не избави-
лись и до сего дня. Более того, «про-
цесс» продолжается полным ходом.
Посмотрите хотя бы на облик Москвы.

Когда православный человек вдруг
переходит в иную веру, это восприни-
мается как его беда. Это наше пораже-
ние. А подвиг мученика за верность
Христу, воина Евгения Родионова, из-
вестный ныне всему нашему народу, –
это великая духовная победа. В чечен-
ском плену его заставляли снять с себя
крест, он отказался, и в день его де-
вятнадцатилетия ему отрезали голову.
И теперь он на небесах молится о нас.

Мало видеть проявления нетер-
пимости, надо понимать их причины.
Унижение великого народа, нетерпи-
мость к нашей великой истории, к на-
шим обычаям – вот та нетерпимость,
которой нужно было бы уделять глав-
ное внимание.

– Отец Николай, вы написали
книги, в которых такая чистота
сердца, такое благоговение перед
жизнью... Этого так не хватает нам
сегодня. Понимаю, сейчас вы очень
занятой человек, но продолжаете ли
писать?

– На первом месте – конечно, служ-
ба, лишь в малые паузы – православная
публицистика. Может быть, Господь
даст закончить книгу, начатую в 1976
году, сразу после солдатской службы
(частично она опубликована): об ар-
мии, о личной жизни, о том, что в жиз-
ни имеет смысл только любовь, о том,
что добро всегда сильнее, чем зло, о
пути к Богу, Который и есть Любовь.
Но главное все же – не писать об этом,
а жить так.

СЕКРЕПЫ

*Болезнь для человека
является милостью
Божией. И если христи-
анин примет как Богом
посланное для пользы
душевной и благодушно
терпеть болезненное
свое состояние, то он
идет прямым путем в
рай.*

*Святитель
Феофан Затворник*

Виктор Ахломов

Издавна самыми высокими точками для съемок и обозрения были колокольни и смотровые площадки храмов. С появлением высотных зданий на верхушках небоскребов устраивали специальные места и галереи. Одна из первых появилась в Нью-Йорке, на знаменитом Эмпайре.

Первую успешную попытку взглянуть на Москву сверху сделал московский фотограф Мартин Шерер. В восьмидесятых годах позапрошлого века он снял панораму Москвы из шестнадцати кадров со смотровой площадки храма Христа Спасителя. В те же годы были изданы снимки и литографии с Колокольни Ивана Великого Московского Кремля. Это было за пятьдесят лет до изобретения немецким инженером Оскаром Барнаком малоформатной «Лейки», так что можно представить, каково приходилось фотографу взбираться по крутой винтовой лестнице, с тяжеленным ящиком-фотоаппаратом. Да еще с дюжиной деревянных кассет с пластинками. Да еще с массивным штативом.

В наше время подвиги первых фотографов-верхолазов повторил известный московский фотохудожник Николай Рахманов. Он снял полную панораму Москвы с колокольни Ивана Великого, что и при новой технике оставалось делом не из легких. Чтобы все снимки получились с одинаковой освещенностью, фотограф провел на точке съемки полный световой день. Солнце ведь не поторопишь. Особо

С точки зрения...

Человеку приедаются всю жизнь смотреть на мир с высоты своего роста. Он ищет и порой находит новые точки зрения. С изобретением фотографии появилась возможность не только взглянуть сверху, но и показать эту «точку зрения» другим.

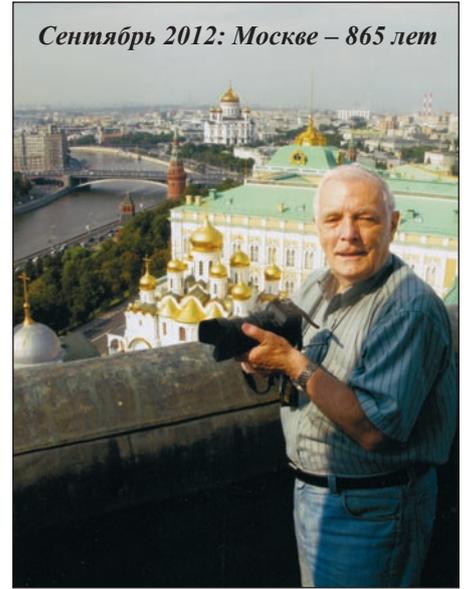
тяжко пришлось двум кремлевским курсантам, сопровождавшим фотографа. Позже они рассказывали, что это было самое трудное служебное задание.

Николай Рахманов любил снимать Москву с верхних точек. Особенно ранним утром и к вечеру. За что его очень не любили дворники и цензоры. Дворникам не нравилось вставать до рассвета и открывать чердаки домов. Да еще часами ожидать возвращения с крыши фотографа. Ну а цензоры бдительно следили за публикациями. Особое внимание уделялось снимкам, сделанным с третьего этажа и выше. Чтобы, не дай Бог, не открылась какая «тайна».

Газетный курьер привозил военным цензорам два экземпляра отпечатков, на которые требовалось разрешение. Бдительный страж через лупу изучал фотографии. Если все соответствовало инструкции, он ставил на одном экземпляре личную печать и разрешительную надпись. В случае отказа оба снимка оставались в военной цензуре.

Сегодня запрет всякой цензуры прописан в нашей Конституции. Так что смотреть на себя сверху вниз, равно как и показывать, может, кто хочет и умеет. Правда,

Сентябрь 2012: Москве – 865 лет

умеет далеко не каждый: съемка с верхней точки – по-прежнему удел большого мастерства. Сначала Юрий Батурич, первый космонавт-фотограф отснял подробный репортаж о работе в космосе. За что был принят в Союз российских фотохудожников. Затем все самые красивые моря, заливы, земные горные цепи и реки запечатлела камера космонавта Сергея Крикалева. Его снимки – словно иллюстрация к Библии: «И назвал Бог сушу землей, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:10). Похоже, Создатель вдохнул в душу космонавта особый талант к восприятию прекрасного, который в принципе присущ всем людям. Недавно старейшее Британское Королевское общество фотохудожников предложило Крикалеву стать его почетным членом.

Памятью о шекспировской неразрывной связи времен и пользуясь хорошей погодой, длительным световым днем, а также благословением комендатуры Московского Кремля, помощью главного звонаря всех кремлевских соборов Игоря Коновалова и его достойного заместителя Константина Мишуровского, я поднялся на колокольню Ивана Великого. Посмотрел, как выглядит оттуда сегодняшнее Замоскворечье. А теперь видите это и вы – на обложке «Лампады» К счастью, судя по старому снимку, оно не сильно изменилось. Не дай нам Бог жить в эпоху разрушительных перемен.

Трюфель и прочие

Грибной сезон подходил к концу. Лес был еще не тронут ржавчиной увядания, хотя в местах, где преобладали осины, уже засквозило. Березы разливали золотой свет, усиливая лучи, льющиеся с неба. Стояли прекрасные деньки!

– С добрым утром, дед-боровик! – разом вскричали осенние опята, облепившие старый пенек.

– Мое почтение, ребята! – приподнял бурую шляпу уважаемый всеми гриб, на мгновение обнажив лысину.

– А с нами что не здороваешься? – ворвались в разговор чешуйчатки золотистые, сидевшие неподалеку у основания двух сросшихся берез.

– Вы бы лучшие первыми поздоровались, чем обижаться, – ответил им боровик.

– Нет, ты нас просто не уважаешь. Считаешь несъедобными, хотя мы ничем не хуже твоих любимых опят.

– Каждый гриб должен приносить пользу: либо людям, либо зверям, либо лесу. А у вас, кроме яркой внешности... Да еще и людей в обман вводите. Вас часто за опят принимают.

– Нас тоже можно есть! – одна за другой закричали чешуйчатки.

– Можно, – согласился гриб-боровик, – только... ценность грибов все же в его вкусовых качествах.

– Эдак и нас можно кушать! – произнес крепкий ярко-красный с белыми пятнами мухомор.

– Ха-ха-ха! – засмеялись все грибы, произраставшие на пятячке, в центре которого стоял боровик.

– А что! – сделал обиженный вид розовый мухомор. – Настоящие знатоки и ценители с удовольствием берут нас, жарят на сливочном масле и уплетают с таким аппетитом, что у них даже за ушами трещит.

– Да-да, – подтвердил боровик, – розовый мухомор для гурманов находка.

– Ну, уж если про гурманов, – с достоинством произнес шампиньон, – то ничего более изысканного, чем мы, нет. Кто не слышал про жульен из шампиньонов?!

Сказать по правде, мало кто из всех окружающих грибов про него слышал, но сознаться никто не хотел. Поэтому все глубокомысленно замолчали.

– Лесные шампиньоны нынче не в моде, – с видом знатока заявил сморщенный подберезовик, совершенно потерявший товарный вид. – Нынче шампиньоны в универсамах “находят”.

– Да, пустые и безвкусные, – неожиданно подтвердили рыжики. – А вот мы – нежнейшая и вкуснейшая закуска.

– Особенно если в вас червей побольше, – съязвил трутовик овечий.

– Червей? – не смогли смириться с несправедливостью рыжики. – Черви в рыжиках только летом, и это как раз показатель нашего качества. Небось бледную поганку червяк есть не будет!

– Да, не будет, не будет, – заговорили все грибы (и громче всех говорушки) и выразительно посмотрели в сторону бледной поганки.

– А мне и без ваших червяков хорошо, – невозмутимо ответила она. – Кормите их сами.

– Так осенью у нас – никаких червей! – продолжали рыжики. – Собирай и наслаждайся! Через день после засолки нас уже можно есть и в особенности нами закусывать. Мировой закусон!!!

– Нет ничего вкуснее нас, сыроежек! – веско произнесла желтая сыроежка. – Нас даже сырыми есть можно, особенно ежели под водочку. А уж если подсолить, да листа смородинового положить с укропом вместе, да под пресс!..

Можно было подумать, что эти грибы сами вкушали то или иное блюдо, о котором говорили. Но ни один гриб, конечно же, никогда не пробовал никаких грибных ни закусок, ни подлив. Все сведения они черпали из разговоров грибников, которые регулярно прочесывали этот лес.

«Вот пустобрехи! – в сердцах подумал черный трюфель, который слышал весь спор-разговор, но высказаться вслух не мог, потому что рос под землей. – Разве может хоть один гриб сравниться с нами, трюфелями? Эх, росли бы мы на поверхности земли!..»

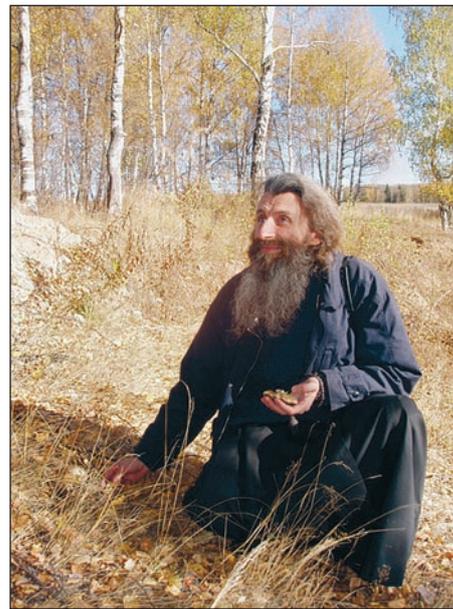
«Каждый смотрит с высоты своей колокольни, – вторил ему в мыслях трюфель белый. – Мы, конечно, хоть и скрыты слоем земли, но любой грибной ценитель подтвердит, что по тонкости и благородству вкуса мы превосходим всех».

– Грибники! – вдруг закричали участники спора. – Грибники идут! Сейчас мы все узнаем, кто чего стоит. Кого возьмут, кого оставят, а кого и сапогом пнут.

Все грибы заволновались, приосанились, ведь каждому хотелось попасть в корзину, а потом и на праздничный стол. День, в общем-то, может быть и не праздничным, но если на столе грибы, то это само по себе уже создает праздничное настроение.

– Меня! – всем видом говорил крепенький подосиновик. – Меня возьмите! Возьмите меня! Не пожалеете. Меня можно и пожарить, и замариновать, и посушить...

– Нас, нас не пропустите! – пытались стряхнуть с себя палуу листву черные грузди. – Без солонины какой стол?!

– И нас прихватите, – аж зашевелились заметные зеленушки. – Мы тоже в засолку хороши!

Даже бледная поганка расправила свою мини-юбочку, чтобы и ее заметили. Мало ли! Может, кому-то кого-то потравить надо. Тоже дело нужное.

«Ну, меня-то уж вы никак не найдете, – презрительно подумал черный трюфель. – Куда вам! Вы и попробовать-то нас никогда не пробовали...»

Он долго возмущался в своем подземном жилище, но если бы этот скрытый от всех глаз житель подземелья мог честно признаться – почему, то ответ был бы прост, как простая сыроежка, – из зависти.

«Да, естественно, – оценил ситуацию и белый трюфель, – нас сегодня не обнаружат. Чтобы нас найти, нужны специально обученные свиньи или, на худой конец, собаки. Нынешние грибники гуляют-ходят сами по себе, значит, можно спокойно сидеть на своем месте и, как нынче говорят, не париться. Чего мы никогда и не делаем – под землей-то».

Вообще редко встретишь вдумчивого, сосредоточенного на поиске грибника. Идут по лесу, взгляд гуляет по земле, а языком мелют... о чем только ни болтают досужие грибосборщики, некоторые шляпки от их историй аж в трубочку закручиваются.

В корзины укладывались еще не переросшие подосиновики и осенние подзатвердевшие опята, белые, как оштукатуренная печка, шампиньоны и центральной коренастый гриб-боровик, оливково-черные грузди и привлекательные, с плотными пластинками зеленушки, молодые

винно-красные сыроежки и надежные, без ядовитых двойников, моховики.

– Ну вот, – надула свои губы белая губа, – меня, как всегда, презирали. А ведь если нас вымочить да засолить...

Обижались землистые рядовки, серые и клейкие разлапистые свинухи, вздыхали переросшие подберезовики и рыжие навозники мерцающие, переживали мокрухи еловые и дуплянки серые. Всем хотелось попасть на обеденный стол, каждый гриб стремился быть полезным.

Лишь трихоломopsis не проявлял никакого интереса ни к грибникам, ни к переживаниям грибов. Наслушавшись некоторых разговоров и зная, что ему не светит попасть в корзину, он был увлечен разговором с прелестной соседкой.

– Вольвариеллочка, – нашептывал он ей, – посмотри на меня... ну, повернись хоть на минутку, чтобы мне полюбоваться тобой.

– Отстань, – резко обрывала его белолицая красотка, – без тебя тошно. Всех подряд собирают: всяких свинух, зеленух, а я, вольвариелла красивая – самая красивая, стою который день, и меня обходят, как самую последнюю поганку. Как мухомора вонючего или саму волоконницу Путуйяра. Где же справедливость?!

– Вот и хорошо, что тебя обходят. Значит, мы с тобой будем вместе расти здесь.

– Нужен ты мне! Посмотри на себя! Никто не может меня оценить по настоящему...

Но дольше всех не мог успокоиться черный трюфель. Он изнывал от недовольства по поводу очередной своей незамеченности. Ворчал на грибников, которые ничего не понимают в грибах, – неотесанные пустословы, не имеют никакого вкуса. Еще и лентяи! Не могут свинью обучить поиску благородных трюфелей. Разве ж это грибники! Одно название.

Он непрерывно оценивал другие грибы и сравнивал себя с ними. Чем дольше увлекался трюфель этим занятием, тем больше находил своих достоинств, обна-

руживал недостатки других грибов и ни во что не ставил грибников. Костерил их на чем свет стоит.

Его подземные вопли достигли слуха белого трюфеля, и тот попытался унять его:

– Что ты изводишь сам себя! Сиди спокойно, живи своей жизнью, и твой час придет.

– Придет! Эти остолопы, которые называют себя грибниками, никогда не смогут обнаружить нас. Если бы они хоть раз попробовали нас на вкус! Если бы могли найти нас!..

– Может, и найдут. Но от твоих переживаний и ругани тебя же быстрее не отыщут.

– Конечно, не отыщут! Потому что ничего в грибах не понимают! Посмотри, что они берут! Заплесневелые боровики! Разваливающиеся в руках сыроежки! Пересохшие шампиньоны!..

– Что ты все о других! Какое тебе до них дело? Угомонись и думай, что завтра придет какой-нибудь умелый грибник – и... ты окажешься на фарфоровом блюде с золотой каемочкой на столе у какого-нибудь предпринимателя или банкира. Ты так порадуешь его, что он даже воскликнет: за всю свою жизнь ничего вкуснее не ел!..

– Банкара, – ворчал черный трюфель, – предпринимателя! Пусть сырыми сыроежками закусывают свои шотландские виски шестнадцатилетней выдержки... Я достоин губернаторского стола!

Оставшиеся на поляне грибы приуныли. Ведь прекрасные деньки уже угасали. Скоро вся земля покроется палой листвой, окончательно спрячет все грибы, да они уже и сами завершат свой земной век, не достигнув главного. Зато лесные мыши торжествовали. Они с большим удовольствием грызли ножки белых грибов, не замеченных проходящими людьми. Ножку одного гриба так обгрызли со всех сторон, что даже шляпка его упала на землю и перевернулась. Так мыши еще и нагадили на нее – ни себе, как говорится, ни людям.

Желчный гриб, которого на сей раз не спутали с белым, остался стоять в стороне. Пинка под зад он тоже не получил, поэтому был весьма доволен жизнью и собой.

– Ну что, навозники и чешуйчатки, попритихли? – в отсутствие ценного боровика почувствовал он свою важность.

– Да не тебе бы говорить, – упрекнул головач, не желая признать его незаслуженное главенство.

– Ах ты, пустая башка, – взвился неугомонный горчак, вместо слюны прыскавая на него своею желчью. – Ты мне осмеливаешься делать замечания! Я такой же солидный, как белый! А ты? Не успеешь вырасти, так сразу в труху превращаешься. Наступит на тебя человек и... пфу-у! одна пыль! Не зря тебя прозвали «дедушкин табак».

Все грибы в округе поняли, что с этим желчным горчаком лучше не спорить. Пусть считает себя главным. Да только все равно съедобным от этого он не станет.

«Эх, – переживал черный трюфель. – Послушали бы меня... Увидели бы!.. Разная шушера и высказаться имеет право, и в корзинку попасть, а там и на обеденный стол... А меня, самого достойного... Надо все же что-то предпринять, чтобы меня услышали и нашли!»

На следующий день и в самом деле появился в этом лесочке умелый грибник. И не один, а с обученной свиньей. Он неспешно собирал свои грибы – ведь известно, что у каждого они свои. Один пропустит гриб, а другой обязательно найдет. И найдет свой, предназначенный именно ему. Так же и свинья, если она разбирается в грибах лучше, чем в апельсинах.

Пока грибник обрезал у добычи ножки и укладывал их в корзину, ученая свинья перебежала с места на место и то там, то тут рыла своим рылом землю. Вскоре она нашла жаждущего попасть на губернаторский стол трюфеля.

– О! Наконец-то! – торжествующе воскликнул он. – Теперь все узнают, кто из грибов имеет самый тонкий, самый благородный, самый... ни с чем не сравнимый... Слышите меня, спорыши лесные: серухи и чернухи, синяки и скрипуны, поплавухи и отварухи!..

Пока черный трюфель произносил свою самую торжественную тираду... свинья-то его невзначай и съела. «Ой! – опомнилась она. – Кажется, я погорячилась... Да что-то очень уж аппетитным показался мне этот грибок».

Желая исправить оплошность, она принялась суетливо рыть землю вокруг. И когда она отыскала белого трюфеля, который не замедлил показаться посреди раскопок, подоспел опытный грибник и воскликнул:

– Ого! Знатный трюфель нашлся. Вот сегодня будет угощение нашему губернатору!

*Фото монахини Софронии (Алексеевой),
рис. монахини Христины (Прокопенко)*

Алина Горелик

Не растерять бесценный дар

Слова «мой путь к вере» звучат высокопарно. Они вызывают в воображении романтическую историю, когда человек вел неправильный, разнузданный образ жизни, затем вдруг поверил и преобразился. В действительности все прозаичнее и в то же время интереснее.

Когда я попросила Татьяну рассказать «как она пришла к вере», то ожидала привычной реакции:

– О чем там рассказывать? У меня все обычно.

Далеко не все хотят пускаться в откровения, кому-то некогда, кому-то лень, кто-то искренне считает, что его случай слишком зауряден, чтобы его описывать.

Я не раз замечала, что Таня чутко относится к окружающим, к их просьбам и нуждам. Когда я подошла к ней в храме, после службы, и попросила уделить мне несколько минут, она – после Причастия – не была настроена разговаривать. К тому же занималась детьми одной из прихожанок и собиралась идти на завтрак. Но я была настойчива (боялась, что потом ее не поймаю), и она не стала противиться. В здании, где расположен храм, мы нашли закуток. Сели в кресла, стоявшие у окна. Там, прерываемая прихожанами, служителями храма, Таня и рассказала о себе.

– Верила я столько, сколько себя помню, с самого детства. Я жила с этим ощущением: Бог – есть! И сомнений не возникало. Как-то в детстве мама купила мне Библию – красивую, с чудными картинками. Меня так поразило повествование о Христе, что я заплакала. Иконы в нашем доме всегда висели, бабушка подарила. И у бабушки в доме тоже иконы были. Вспоминается: к бабушке зайдешь, а у нее в красном углу на подставке, накрытой вышитым рушником, стоит старинная икона в серебристом окладе. К иконам и у меня, и у брата всегда было отношение трепетное, хотя никто никогда нас не учил, что надо вести себя при иконах особым образом. Но я чувствовала, что в месте, где есть иконы, следует держать себя особенно благопристойно, боялась святотатство совершить. А вот еще случай был. Как-то соседка к нам зашла в бане помыться да как из бани стала выходить, перекрестилась. Мне это почему-то в душу запало. После я сама стала часто креститься. Но

Татьяна

при этом могла при случае анекдот про храм, про батюшку рассказать.

Верила я всегда больше по наитию. А жила обычной жизнью, как все живут. Когда училась в институте, связалась с одной компанией, стала прогуливать, да так, что меня отчислили. Но потом за ум взялась, восстановилась, выучилась. Появлялась время от времени в храме, ненадолго, зайти помолиться, свечку поставить, записку написать о здравии. Поститься пробовала. Сейчас смешно вспомнить, как я раньше постилась. Днем ни крошки скоромного, а вечером могла выпить с подружками пива и – на танцы.

В церковь стала часто ходить после того, как случилось несчастье с моей подругой. Она заболела, мерещиться ей стало всякое. Я когда ее слушала, меня трести начинало. Ее состояние ухудшалось, я старалась ей как-то помочь, но не смогла. Мне самой становилось плохо, как послушаю ее, от страха корежить начинало, плохо становилось. После этого я еще яснее, отчетливее почувствовала, что единственная наша защита – это Бог. И стала заходить в храм чаще и чаще. Стояла, слушала, вникала понемногу. Молитву выучила, читала ее только на ночь, пока не узна-

ла, что есть не только утреннее правило, а еще и вечернее. Церковь сама собой вошла в мою жизнь. Когда переехала в Москву, устроилась на работу, увидела, что рядом с работой храм. Я нет-нет, да и зайду. И комнату сняла так, что рядом оказалась россыпь храмов, хотя место специально не выбирала. Соседка моя по площадке часто с собой в храм звала. Все одно к одному.

Потом начался сложный период жизни. Я влюбилась. Он исповедовал другую веру, мусульманскую, так что общей дороги в Церковь у нас не было. А относился он ко мне как к сестренке, помогал, советы давал, наставлял. Я же несколько лет его любила, страдала, поскольку чувство было безответным. Сейчас все прошло, и я вспоминаю этого человека с теплом.

Возникли и другие проблемы, сложности со здоровьем. И как-то одна знакомая девушка, работавшая при храме, посоветовала мне причаститься. Затем предложила съездить в Воскресенское, на ежегодный майский съезд добровольцев. Там я поработала, отдохнула, познакомилась с добровольцами из православной общины. Я поразились, насколько это приятные, вежливые люди. Все стараются помочь. Атмосфера мне очень понравилась. Первое впечатление было, что я в рай попала.

После этого стала все больше и больше втягиваться в церковную жизнь. Но причина воцерковления – не в несчастной любви и не в сложностях со здоровьем. Не было резкого скачка: до этих трудностей я, мол, относилась к Церкви по-одному, а затем стала иначе. Думаю, что рано или поздно я бы все равно пришла к церковной жизни. Просто мне посчастливилось сделать это раньше. Раньше обрести единомышленников, друзей, людей с похожими взглядами, близких по духу.

Прежде некоторые знакомые надомной смеялись, говорили, что я вроде святой заделалась. Спрашивали, зачем пощусь, для чего хожу в храм. И родители далеко не сразу меня поняли. Поначалу между нами даже возникло отчуждение, зато потом родители еще сильнее ко мне потянулись. С друзьями из прежней, нецерковной жизни общаюсь все меньше. Мало обшего, хотя отношения и хорошие. Мне про добровольческие, как теперь гово-

ряты – волонтерские, дела интересно поговорить, а кому-то – про личную, светскую жизнь. Когда только приехала в Москву, подруга, работавшая ди-джеем, меня в клубы приглашала. Я несколько раз сходила, но чувствую – не мое. С нецерковными друзьями часто расхожусь во мнениях, начинаю спорить, доказывать свою правоту. Понимаю, что бесполезно навязывать свое мнение, особенно если человек не просит совета. Но сдержаться трудно. Например, считаю неправильными отношения вне брака, если любите друг друга – женитесь, если нет, то тогда расходитесь, как можно без любви быть вместе? И хотя я понимаю, что нужно с любым человеком обший язык находить, мне это пока сложно дается. В храме же чувствую себя своей. Мне нравится, что могу помогать людям, быть кому-то полезной, нужной. Правда, иногда, кажется, что вера стала менее живой, что ли...

Про себя не могу сказать, что так уж сильно изменилась. Образ жизни, поведение – да. Например, теперь я не люблю откровенную одежду, чувствую себя в ней неуютно. Иногда могу подкраситься, надеть что-то кокетливое, но такое желание возникает редко. Хотя раньше и красилась ярко, и вещи носила открытые. Теперь предпочитаю не выделяться, не привлекать к себе повышенное внимание. Но это не значит, что православная женщина – это какой-то «синий чулок». Отличаться нужно только верой и любовью к Богу.

Изменился мой взгляд на отношения между мужчиной и женщиной. Я ощутила разницу между любовью и влечением. Но при этом не воспринимаю свой образ жизни как ограничение. Внутренне я согласна с тем, как живу. Согласна и с тем, что предписывает Церковь. Мне не приходится принуждать себя к чему-либо, живу так, как мне хочется. А хочется жить по Богу, и в этом счастье.

В чем я изменилась внутренне? Причины каких-то неурядиц стала искать в себе, а не в окружающих. Понимаю, что если я раздражаюсь, злюсь на кого-то, это не потому, что окружающие плохие. Причина во мне. А самое сложное для меня – это отказаться от некоторых недостатков.

–Таня, мне кажется, что для большинства женщин важнейшим остается вопрос о том, как найти любимого мужчину, выйти замуж, создать счастливую семью. Немалую роль играет в

этом материальный достаток. Верно ли, что верующим мужчинам сложнее хорошо зарабатывать и обеспечивать семью?

– Часто в верующей семье много детей, но знаю много примеров того, что мужчина при этом свою семью обеспечивает. И это в то время, когда многие боятся даже одного ребенка не потянуть.

– Ты могла бы выйти замуж за человека светского либо человека другой веры?

– Семья – это не только радость, но и крест, который нести обоим супругам. Необходимо понимание между мужем и женой, иначе будет очень тяжело. Сможет ли светский муж принять то, что жена много времени уделяет церкви? Не знаю, не знаю... Например, он в воскресенье хочет отоспаться, а жена в храм побежит? Есть мужчины, для которых главное – работа. Такой все время будет работе посвящать, да и от меня такого же потребует. А муж и жена должны быть попутчиками. И потом, выйти замуж за подлинно верующего – это шанс выйти за мужчину, который не будет изменять, пить, курить.

– А как ты относишься к такому мнению? Некоторые люди, помогая другим, делают это ради себя – компенсируя какие-то свои нерешенные проблемы, или – хуже того – из желания быть хорошим, жертвенным.

– Могу говорить только о себе. Лично я помогаю, только когда хочу помочь, делаю это добровольно.

После того как мы поговорили, Таня убежала. Много дел. Она работает добровольцем, помогает в храме, в больнице.

Общаясь с Татьяной, я чувствовала ее внимательное отношение, доброту. Об этом говорило многое, например, ее рассказ о том, как она пыталась помочь подруге, несмотря на то, что после общения с той ей становилось очень плохо. Такое редко сейчас встретишь. Большинство бы прекратили общаться, в лучшем случае – попытались помочь на расстоянии. Можно ли в этом их упрекнуть?

Вера и церковный образ жизни – верные спутницы! Заповеди, Церковь, таинства, Причастие, служба – мощная защита от ненависти и зла, путеводные нити, за которые держится человек, чтобы прийти к жизни, наполненной радостью и любовью, это опора в трудную минуту.

Нередко, правда, о вере человека судят по тому, насколько неукоснительно он соблюдает церковные предписания, как часто посещает храм, что говорит, во что одевается, с кем общается. Все это крайне важно. Но можно ли оценить глубину веры и силу любви человека, не зная, что творится в его душе, не зная его жизни? Мы вообще знаем ничтожно мало, но много судим. Кто-то осудит собеседника за резкость и раздражительность, не зная, что он еле на ногах стоит. Кто-то может усмехнуться чьему-то скудному пожертвованию в церковную кружку. Но знает ли этот «кто-то» жизненные обстоятельства того, кто жертвует? Не лучше ли вспомнить слова Христа о бедной вдове: «Она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Мк. 12:44)?

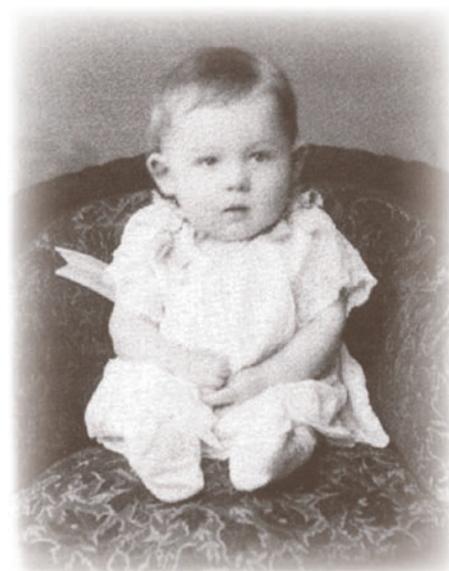
Да... в чужую душу не заглянешь, и потому некоторые судят о вере и любви по тому, как тщательно человек исполняет внешние предписания религии. Но есть, как мне кажется, безошибочный критерий оценки любви и веры человека: насколько он добр к окружающим, насколько он их любит. Но можно ли хвалить человека за любовь и доброту? Ведь это не его личная заслуга, его таким создал Бог. А для человека главное – сохранить и приумножить этот бесценный дар.

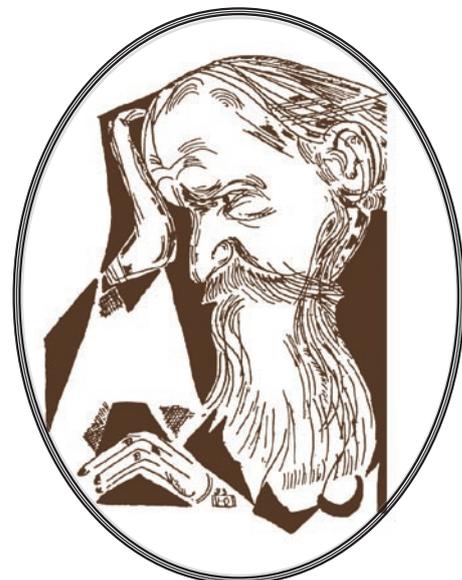
У нас печатается впервые. Раньше имя Алины Горелик можно было встретить в различных периодических печатных изданиях. Пишет статьи и рассказы. Имеет юридическое и музыкальное образование.

Дмитрий Шеваров

Старик с Рождественского бульвара

В шестидесятые годы прошлого века жил в Москве на Рождественском бульваре Борис Викторович Шергин (правильное ударение в его фамилии – на первом слоге). Соседи видели в нем лишь тихого пенсионера, полуслеплого инвалида. Когда он с палочкой выбирался во двор, то растерянно замирал, не зная, куда ступить и где приткнуться. Тут кто-нибудь из мальчишек подбегал к нему и вел к скамейке на бульвар. Там, если погода позволяла, старик сидел в одиночестве до самого вечера. Мимо него бежала Москва, звенели трамваи, а он слушал что-то свое, далекое. Ветерок шевелил нибд седых волос и такую же седую бородку.

А до Рождественского бульвара Борис Викторович жил в полуподвальной комнате в Сверчковом переулке. В низкое окно прохожие и машины брызгали грязью, ребята сколько раз попадали мячом, играя в футбол... Что можно было разглядеть в это бедное пыльное окошко? А Шергин видел в него всю красоту мира. «Утром открою оконце, и в мой подвал глянет вечное светлое небо. Открою и страницу Евангелия, отсюда в убогую мою душу начнет струиться весна вечной жизни...»

Первая фотография Бореньки Шергина. 1894 год. Под ней Борис Викторович впоследствии напишет так: «А годовалого меня увековечили. Такое чудышко толстоголового в альбоме сидит, вроде гири на прилавке». Справа – Б.В. Шергин. Гравюра работы Владимира Фаворского.

СЫН**КОРАБЕЛЬНОГО МАСТЕРА**

Борис Шергин родился за четыре года до наступления XX века. Отец его, Виктор Васильевич, был известным человеком в Архангельске – главный механик Мурманского пароходства, корабельный мастер первой статьи, талантливый художник.

«Иной раз ранней весной... пойдет отец на бор охотиться... Ступаем по мху, по мягким оленьим путицам, и он мне рассказывает о зверях, о птицах, о рыбах, как они живут, как их добывают, как язык животных понимать...».

Отец иногда на полгода уходил в море, и вся семья жила, прислушиваясь к тому, что происходит на море, в небе...

«...Заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками: Ох, деточки! Что на море-то делается. Папа у нас там!...».

Когда мальчик вырастет, он по-прежнему будет чутко прислушиваться к жизни моря, травы и неба, он найдет десятки, если не сотни, удивительных

слов для определения цвета облаков, утренней и вечерней зари...

Всю жизнь Борис Викторович хранил матушкин берестяной туесок изпод морошки. Часто открывал его, чтобы услышать запах родины. Так же бережно он хранил все, что ему рассказывали отец и мать. Из этих рассказов и сложилась в 1924 году его первая книжка северных сказаний. Странно она, должно быть, выглядела – вокруг перевернутый, разрушенный до основания миропорядок, а книга полна величественного спокойствия, тишины и мудрости.

«...Малая вода пошла на большую, и тут море вздохнуло. Вздох от запада до востока прошумел. Тогда туманы с моря снялись, ввысь полетели...».

В 1947 году критика набросилась на Бориса Викторовича за книгу «Поморщина-корабельщина». «Книга Шергина псевдонародна. С каждой страницы ее пахнет церковным ладаном и елеем», – писала газета «Культура и жизнь», чье название в ту пору переина-

чили в народе в «Культуру и смерть».

Тогда былины и сказания Шергина проходили по ведомству фольклора, литературных древностей. Языку русского Севера отказывали в праве считаться живым, сегодняшним. Ведь он по духу своему не мог служить пропаганде. Всякое канцелярское, уродливое слово на фоне такой луговой цветущей красоты было бы отторгнуто, разоблачено, как мертвый сухостой.

Еще в молодости Шергин стал выступать с чтением былин и сказаний и этим зарабатывать себе на хлеб. Он и в Москву тогда из-за этого перебрался. Мастерства устного рассказывания Шергин никогда не утрачивал, и в 1950–1960-е годы его записывали на радио. На наше счастье, пленки с голосом Бориса Викторовича сохранились, и недавно вышел диск «Борис Шергин. Сказы. Читает автор».

В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

Ни Евангелия, ни икон никогда не прятал Шергин. Ходил в церковь не

таясь. Жил в нищете, но подлинно нищими считал тех, кто обменял совесть на пайки, ордена и автомобили с персональными шоферами.

Печатали его редко – за всю жизнь у Шергина вышло шесть или семь книг. А главная его книга, «Дневник», лишь недавно пришла к читателю. И все равно не опоздала! Эта книга – большой подарок для нас, столь часто унывающих. Она – об обретении истинной радости. О том, что с Богом – все в радость, а без Бога – все мука и тягота.

И обо всем этом Шергин пишет без назидания, как-то застенчиво. Просто течет себе ручеек старой русской речи, слово за словом – как жемчуг нанизывается, ничего вроде особенного, а трогает. Да так, что хочется бежать с книжкой в соседнюю комнату и зачитывать близким вслух абзац за абзацем.

А то вдруг посреди страницы глаза наполнятся слезами, и захочется уткнуться в подушку и по-детски плакать, плакать от жалости и печали, от мысли о том, во что мы превратили наш родной язык!

Борис Викторович так обращался к читателю: «Ты, дорогой мне человек, перекинемся душевным словом...». Как же мы сегодня истосковались по такой сердечной уважительности, как необходима нам сейчас душевная стройность и тишь беседы.

Последние свои годы Борис Викторович провел почти в полной слепоте, но и тогда ждал всю ночь рассвета – когда переплет окна обозначится. Иной раз ему чудился звон, текущий от Троицы. На редкой странице его дневника не упоминается преподобный Сергей.

Трудно представить, что дневниковые записи Шергина, похожие местами на торжественный акафист Преподобному, сделаны не средневековым монахом-песнопевцем в тихой келье, а почти ослепшим одноногим инвалидом, живущим на копеечную пенсию в коммунальной полуподвальной квартирке, в сталинской послевоенной Москве.

Когда на Троицу 1946 года Троице-Сергиева Лавра, закрытая после революции, была вновь открыта, Шергин поехал к святому, а вернувшись, сделал в дневнике такую запись:

«Снова сияют лампы над пресвятым гробом Великого Отца земли

Русской и нескончаемым потоком идут и припадают и целуют люди пречестные мощи богоносного Сергия... На утренние поезда попасть было невозможно. Уготовали мы к Преподобному уж после обедни, когда масса народная схлынула.

До всенощной мы... пошли отдохнуть и перекусить к Троицкому собору, где было тихо и безлюдно. Казалось, только здесь, у Сергия Радонежского, лазурь неба предвечернего может быть такою чистою и прекрасною. В тишине раздавался только свист ласточек, да молитвенный шелест вековых деревьев.

...Чудная церковь Святой Троицы в сиянии зари казалась совсем пренебесною, как бы возносимую ангелами в беспредельную высь. Ни мыслию того было смыслить, ни думаю, что даст мне Бог слышать звон церковный и стоять у церковной службы в Лавре преподобного Сергия, припадать к Сергиеву гробу, окруженному сиянием свеч и молящимся народом...

Слаще таких минут ничего не живет на земле...».

БАКЕНЩИК НА БОЛЬШОЙ РЕКЕ

Не выпало мне повидаться с Борисом Викторовичем, не успел, но чувствую его как родного. И как всегда это бывает, когда думаешь о близком человеке, вспоминаются разные истории.

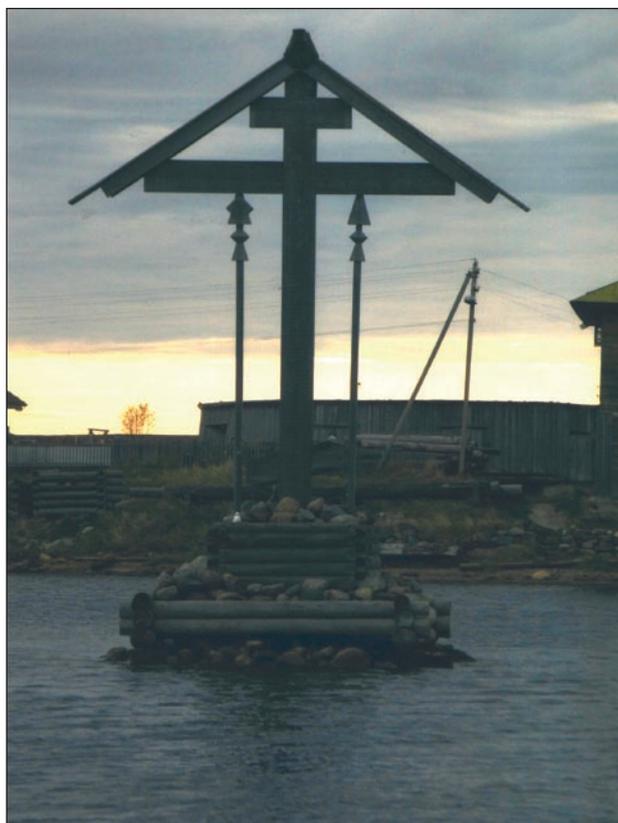
Лет двадцать назад проходил я студенческую практику в вологодской газете. Редактор отправил меня в командировку по письму в райцентр Сямжа. Ехал туда часа два, а по дороге бормотал про себя: «Сямжа, Сямжа...», будто пробовал на вкус новое слово. Мне казалось, что оно горчит и сушит, словно траву жуешь. Даже какая-то опасность ощущалась в этом слове...

Вот приехал на автостанцию в Сямжу, стал ждать местного

автобуса. Он и подкатил вскоре – потрепанный, с остатками желтой краски на боках. В автобусе женщины весело и бойко говорят о чем-то, смеются. Я испугался, не надо мной ли смеются, и забился на дальнее сиденье. Прислушиваюсь к разговору и еще больше пугаюсь – не понимаю, о чем речь. Говорят люди по-русски – это я слышу, а слов не понимаю ни одного. Будто за границей оказался. Только к концу того длинного летнего дня я стал понимать, что люди говорят, привык к их певучему произношению.

Тогда я впервые понял, что язык, которым мы говорим в городе, – это асфальтированная дорожка вдоль большой, как Волга, реки. А вот сама река, с тысячами притоков и несметным множеством ручейков, и есть живой, как говорил Владимир Иванович Даль, великорусский язык.

Борис Викторович Шергин был одним из немногих бакенщиков на этой привольно текущей реке. Сказитель, художник, писатель, он все эти призвания употребил не на дело собственной славы, а на сохранение живого русского слова во всем его тысячелетнем течении.

Виктор Ахломов. Белые, белые ночи русского Севера

Борис Шергин

Полярное сияние

Слушайте, какое диво расскажу.

В замороз к полночи начнет в синем бархате небесном по-ясном серебряным продергивать с запада до востока, а с севера заподымается как бы утренняя заря. И вдруг все погаснет.

Опять из-за моря протянутся пальцы долги без меры и заходят по небу. Да заря займется ужасная, как бы пожарная. И опять все потухнет, и звезды видать... Сияние же обновится. Временем встанет как стена, по сторонам столбы, и

столбы начнут падать, а стена поклонится. А то будто голубая река протечет, постоит да свернется, как свиток.

Бывало, спишь – услышишь собачий вой, откроешь глаза – по полу, по стенам бегают светлые тени. А за окнами небо и снег переливают несказанными огнями.

Мама или отец будили нас, маленьких, яркие-то сполохи-сияния смотреть. Обидимся, если проспим, а соседские ребята хвалятся, что видели.

Ингвар

В Соловецке при игумене Филиппе жил иннок Ингвар, или Игорь, родом свеянин, швед. По старым памяткам рассказывают так.

Свейский карбас – шесть рядовых, седьмой шкипер Ингвар – шли в Соловецкое море. Для какой потребы шли, не ведаем. Может, что купить или продать. Будучи нетверды в соловецком знании, потеряли путь и пристали в Тонскую деревню. Шкипер приказал товарищам остаться в карбасе, а сам пошел в конец деревни спрашивать вожа. Дружина, мимо слова шкипера, тотчас побежала на другой конец деревни. Свеян было мало, но и в деревне мужеского полку не было. Только бабки с мелкими ребятами. Во все лето с дальних наволоков не оказывало дыму, и люди неопасно разошлись на промыслы.

Свеи начали ломать запоры у анбара. Завопили бабки, ребяташки подняли неизреченный рев. Шкипер Ингвар это слышит, ухватил железный лом и прибежал к разбою.

Увидя, что его товарищи шибают о землю ребят, стегают воющих старух и кидают из анбара кожи, обувь, сбрую и холсты, Ингвар стал благословлять

грабежников железным ломом. Бил по головам и по зубам. И гонил их из деревни, посылая ломом. Один из грабежников увернулся и ударил шкипера в лоб камнем. Ингвар повалился заубито. Товарищи его вскочили в карбас и угребли из виду.

Старухи привели Ингвара в действие и, забывши страх, стали жалеть его, как внука.

Весть о свейском нагоне полетела далеко. Пришли из Сумского посада в Тонскую деревню приставы и взяли Ингвара. Также было велено имать свидетелей. Вся деревня лезла во свидетели. Отобрали десять старых бабок, самых мудрых и речистых.

Тонская деревня была соловецкой вотчиной и подлежала монастырскому суду. Ингвара судил случившийся в Суме игумен Филипп Колычев.

Дьяк объявил, что шестерых бежавших в море свеян бог нашел своим судом. Только-де шесть свейских рукавиц, с одной руки, море выплеснуло на берег. Затем тонские свидетели заявили, что хотя судимый и явился с лиходеями, но оказался добрым человеком. И его-де надо не судить, а миловать. Судья Филипп сказал:

– Правда то, что Ингвар заступался за обидимых, не щадя и своей жизни. Но есть и кривда: почему ты, Ингвар, добрый, сердобольный человек, пошел в товарищах с людьми лихими?

– Господине, – отвечал Ингвар, – все у нас затеяно бахвальством, все чинилось без ума. Но молю вас всех: не кляните их, моих товарищей, а меня не величайте добрым человеком.

Судья Филипп говорит:

– Сердце твое детское, и речи у тебя, как у младенца. Ты говоришь: «Не вредите мое сердце, не поминайте мне товарищей». Лучше бы тебе о том поплакать, что из-за таких товарищей про всю вашу породу свейскую слава в мире носится самая зазорная!.. Думаю, Ингвар, что на родину тебе нельзя являться.

Ингвар говорит:

– Господине, я хочу прижаться к русским людям. Возьми меня к себе, в какой чин хочешь.

Ингвар принял в Соловецке имя Игоря.

Тут и помер в старости. И память по себе оставил – «сердобольный Игорь».

Любовь сильнее смерти

У Студеного моря, в богатой Двинской земле, жили два друга юных, два брата названных, Кирик да Олеша. И была у них дружба милая и любовь заединая. Столь крепко братья крестовые друг друга любили – секли стрелой руку, кровь точили в землю и в море. Мать сыру землю и синее море призывали во свидетели. Кирик да Олеша – они одной водою умывались, одним полотенцем утирались, с одного блюда хлеба кушали, одну думу думали, один совет советали – очи в очи, уста в уста.

Отцы их по любви морскою лодью владели и детям то же заповедали. Кирик, старший, стал покруг обрывать, на промысел ходить, а Олеша прилежал корабельному строению.

Пришло время, и обоим пала на ум одна и та же дева Моряшка. И дева Моряшка с обоими играет, от обоих гостинцы берет. Перестали крестовые друг другу в очи глядеть.

В месяце феврале промышленники в море уходят, на звериные ловы. Срядился Кирик с покругом, а сам думает: «Останется дома Олеша, его Моряшка опутает». Он говорит брату:

– Олешенька, у нас клятва положена друг друга слушати: сряжайся на промысел!

Олеша поперек слова не молвил, живо справился. Якоря выкатили, паруса открыли... Праматерь морская – попутная поветерь была до Кирика милостива. День да ночь – и Звериный остров в глазах. Круг острова лед. На льдинах тюленьи полежа. Соступились мужидвиняне со зверем, учили бить.

Богато зверя упромыслили. Освеживали, стали сальное шкурье в гору волочить. На море уж отемнело, и снег пошел. А Олеша далеко от берега за-

бежал. Со льдины на льдину прыгает; знай копьё звенит, головы зверины долу клонятся. Задор овладел. Старый кормщик и обеспокоился:

– Олеша далеко порато ушел. Море на часу вздохнет, вечерняя вода тороса от берега понесет...

Побежал по Олешу Кирик. Бежит по Олешу, ладит его окликать, да и вздумал в своей-то голове: «Олешу море возьмет, девка Моряшка моя будет». И снова крикнуть хочет и опять молчит: окаменила сердце женская любовь. И тут ветер с горы ударил. Льдина зашевелилась, заворотилась, уладилась шествовать в море, час ее пробил.

И слышит Кирик вопль Олешин:

– Кирик, погибаю! Вспомни дружбу-то милую и любовь заединую!..

Дрогнул Кирик, прибежал в стан:

– Мужики-двиняне! Олеша в относ попал!

Выбежали мужики... Просторно море. Только взвонь рыдает... Унесла Олешу вечерняя вода...

Того же лета женился Кирик, Моряшка в бабах, как лодья соловецкая под парусом: расписана, разрисована. А у мужа радость потерялась: Олешу зажалел.

Заказал Кирик бабам править по брате плачную причеть, а все места не может прибрать.

В темную осеннюю ночь вышел Кирик на гору, на глядень морской, пал на песок, простонал:

– Ах, Олеша, Олешенька!...

И тотчас ему с моря голос Олешин донесло:

– Кирик! Вспомни дружбу-то милую и любовь заединую!

В тоске лютой, неутолимой прынул Кирик с вершины вниз, на острые камни, сам горько взопил:

– Мать земля, меня упокой!

И буде кто его на ноги поставил. А земля провещилась:

– Живи, сыне! Взыщи брата: вы клятву творили, кровь точили, меня, сыру землю, зарудили!

По исходе зимы, вместе с птицами, облетела Поморье весть, что варяги-разбойники не идут кораблем на Двину, а тулятся за льдиной, ожидают ухода поморов на промысел. Таков у них был собачий обычай: нападать на деревню, когда дома одни жены и дети.

И по этим вестям двиняне медлили с промыслом. Идет разливная весна, а лодейки пустуют. Тогда отобралась дружина удалой молодежи:

– Не станем сидеть, как гнус в подполье! Варяги придут или нет, а время терять непригоже!

Старики рассудили:

– Нам наших сынов, ушкуйных голов, не уговорить и не постановить. Пушай разгуляются. А мы, бородатые, здесь ополчимся навстречу незванным гостям.

Тогда невесты и матери припадают к Кирику с воплем:

– Господине, ты поведи молодых на звериные ловы! Тебе за обычай.

Кирик тому делу рад: сидячи на берегу, изнемог в тосках по Олеше. Жена на него зубами скрипит:

– Чужих ребят печалуешь, а о своем доме нету печали!...

Мужская сряда недолгая. На расвете кричала гагара, плакали женки. Дружина взошла на корабль. У каждого лук со стрелами, копьё и оскорд – булатный топор. Кирик благословил путь. Отворили парусы, и Пособная поветерь, праматерь морская, скороплучно направила путь...

Не доведя до Звериного острова, прабаба-поветерь заспорила с внуками – встречными ветерками. Зашумела волна. А молодая дружина доверчиво спит. Кирик сам у руля. И была назавтра Олеше година.

Студеное море на волнах стоит, по крутому взводню корабль летит. И Кирик запел:

*Гандвиг – отец,
Морская пучина,
Возьми мою
Тоску и кручину...*

В том часе покрыла волну черная тень варяжской лодьи. И варяги кричат из тумана:

– Куры фра? Куры фра? [Кто идет?]

Кирик струбил в корабельный рог грозно и жалобно. Дружина прынула на ноги. И тянут лук крепко и стреляют метко. Поют стрелы, гремят долгомерные копыя. Кирик забыл тоску и печаль, отдал сердце в руки веселью. Зовет, величает дружину:

– Мужики-двиняне! Не пустим варягов на Русь! Побьемся! Потешим сердца!...

Корабли сошлись борт о борт, и двиняне, как взвонь морской, опрокинулись в варяжское судно. Песню радости поет Кириково сердце. Блестит булатный оскорд. Как добрый косец траву, косит Кирик вражеские головы...

Но при последнем издыхании варяжский воевода пустил Кирику в сердце стрелу...

Красное солнце идет к закату, варяжское гурье плывет к западу. Сколько двиняне празднуют о победе, о богатой добыче, друга – столько тужат о Кирике. Он лежит со смертной стрелой в груди, весел и тих. На вечерней воде стал прощаться с дружиной:

– Поспешайте на Русь, на Двину, с победною вестью. Оставьте меня и варяжское судно в благодарную жертву Студеному морю.

И дружина, затеплив по бортам жертвенной лодьи воскояровы свечи, с прощальной песней на своем корабле убежала на Русь.

В полночь вздохнуло море, затрепетало пламя свечей, послышался крик гусиный и голос Олешин:

– Здрав буди, Кирик, брате и господине!

Ликует Кирик о смертном видении: – Олешенька, ты ли нарушил смертные оковы? Как восстал ты от вечного сна?..

Снова пронзительно вскричали гуси, затрепетали жертвенные огни, прозвенел Олешин голос:

– Я по тебя пришел. Сильнее смерти дружеская любовь.

Две тяжкие слезы выронил Кирик:

– Люто мне, люто! Я нарушил величество нашей любви!...

В третий раз гуси вскричали, как трубы огромели, колыхнулось пламя жертвенных свечей, и Кирик увидел крестового брата. Глядят очи в очи, устами к устами. И голос Олешин, что весенний ручей и свирель:

– Кирик! Подвигом ратным стерта твоя вина перед братом. Мы с тобой поплывем в светлый путь, в Гусиную белую землю, где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми.

Там немолчно рокочут победные гусли, похваляя героев...

Завязалась праматерь морская – поветерь и взяла под крыло варяжский корабль, где Кирик навек позабыл печаль и тоску человеческую...

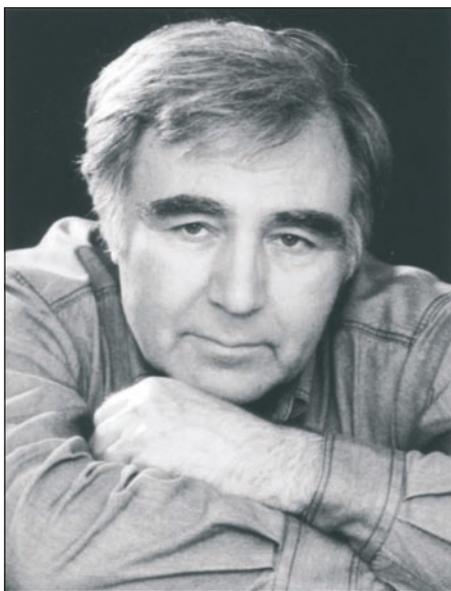
О былина, о песня, веселье поморское! Проходят века, а Двинская земля поет, поминает под гусли Олешу и Кирика.

Смерть не все возьмет – только свое возьмет.

Хранитель вечности

При всем желании о Паше Кривцове нельзя сказать: он полюбил фотографию с детства. Где бы взяться в русской деревне конца сороковых годов хотя бы одному завалющему фотоаппарату? Так что рос себе Паша в родной Рождественке, играл со сверстниками, ходил в школу и думать не думал, что где-то его поджидает нечто необыкновенное и не очень понятное – то, что взрослые умные люди называют: Призвание. Оно приманило к себе Пашу, когда он, уже старшеклассником, впервые взял в руки чудо, способное запечатлеть мгновения нашей такой скоротечной жизни. Было это в областном центре Белгороде.

С 1966 года в местной молодежной газете «Ленинская смена» стали регулярно появляться снимки фотокорреспондента Павла Кривцова, и продолжалось это пятнадцать лет. А затем его пригласила к себе «Советская Россия», которая в ту пору, под руководством Михаила Федоровича Ненашева, была одной из лучших газет страны. Там, к

слову, имел честь познакомиться с Павлом и автор этой заметки. Через пять лет работы Кривцова стали украшать страницы громкого в ту пору «Огонька», еще через пять (прямо-таки советские пятилетки!) – фотохудожник жур-

нала «Слово», где его можно видеть и сегодня.

Если бы все награды, призы и звания, полученные Кривцовым на международных, всесоюзных и российских выставках и конкурсах, можно было разместить на его груди (чего, конечно, категорически не может быть), он мог бы поспорить с иными творцами нашей давней и недавней истории. Павел Павлович Кривцов награжден золотыми медалями «Интерпрессфото», обладатель призов «World Press Photo», «Золотой глаз», «Золотое перо России», ему присуждено звание «Мастер международной фотографии», он лауреат премии Союза журналистов СССР и Международной премии им. М.А. Шолохова, обладатель национальной премии «Золотой глаз России».

А категорически не может быть такого, чтобы он разместил на своей груди... и так далее – по причине его тихой и убежденной скромности, как и подобает православному человеку.

П. Д.

Дмитрий Шеваров

Мгновения одного часа

В тот день, 23 сентября 1984 года, фотограф Павел Кривцов оказался на дне рождения Алексея Федоровича Лосева. Тогда великому философу исполнился 91 год. Отмечалась дата очень скромно, среди самых близких людей, на летней даче.

Вот что рассказал мне Павел Павлович Кривцов о той встрече с выдающимся мыслителем:

– Я тогда, кажется, и не представлял себе, как выглядит Алексей Федорович, не видел его фотографий, но еще по пути к даче, где он жил, я чувствовал, что иду на встречу с явлением какого-то космического масштаба. И это ощущение очень помогло мне, ведь в моей работе важно поставить себе внутреннюю задачу. Когда такая задача есть, ты настроен на чуткость и фактор времени уже не так важен. Ты работаешь, внутренне откликаясь на все, что происходит вокруг.

Конечно, если бы мне дано было провести у Алексея Федоровича больше времени, съемка была бы несколько другой. Можно было бы, к примеру, сделать целую серию «Руки Лосева». Или «Книги Лосева»... Но все произо-

шло по Божьему благословению, и у меня в душе только благодарность за этот день и этот час.

Съемка шла легко, она будто вела меня. Мне не надо было никого просить о чем-то. Я словно скользил по краешку этого события – дня рождения Лосева. Приходили люди, и я делал общие снимки, а потом все вдруг рассыпалось по дому, и в какой-то момент мы остались одни на веранде.

Алексей Федорович и внешне был совершенно уникален! Он сидел в своем кресле-качалке, и меня охватило ощущение удивительной мощи этого человека. Это было мгновенное, как молния, узнавание. Мы часто судим о людях и их отношении к нам по внешним проявлениям – вот как встретил, как руку подал, что сказал. При этом мы не замечаем глубинной сути при общении с людьми.

Алексей Федорович молчал, он был погружен в себя, и это тоже мне очень помогало, ведь если бы со мной заговорили, я бы стал мучиться. Мне бы пришлось переключиться с внутренней задачи на слова, я стал бы их подбирать, чтобы хоть как-то соответствовать собеседнику. Но, к счастью, никто не обращал на меня внимания, я был в стороне и в то же время в гуще события, и это давало восприятию свободу.

Я был тогда у Алексея Федоровича вместе с женой Галей, и она вспоминает очень важную вещь: от Лосева исходила благодать. Мы не знали, что он к тому времени тайно принял монашеский постриг, но это как-то ясно чувствовалось в самом пространстве вокруг. Благодать ведь нельзя увидеть, ее можно только ощутить сердцем. Можно ли передать ее средствами фотографии? Не знаю, но тут многое зависит от того, кто смотрит на фотографию, от его сердца.

Кстати, в «Добротолубии» есть ссылка на беседы старца Филофея Синайского, который говорил учени-

кам: «Будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу». Причем переводчик этого текста святитель Феофан Затворник обратил внимание на то, что в греческом подлиннике стоит именно слово «фотографироваться». И это было сказано старцем – когда? В начале IX века!

Аза Алибековна Тахо-Годи, жена и соратница Лосева, вспоминая тот день, пишет: «Сидит Алексей Федорович в клетчатом пледе, опустив голову, и видно, как тяжело ему это придуманное добрыми людьми веселье... Лучше всего передал нарастающее одиночество Лосева среди торжественного праздника фотохудожник Павел Кривцов. Алексей Федорович на открытой террасе, в старой качалке, укрытый стареньким одеялом, один на фоне мощных сосен, сосредоточен, углублен, думает...».

Снимки, сделанные Кривцовым, стали, очевидно, последними в долгой жизни Лосева. 24 мая 1988 года Алексей Федорович покинул этот мир.

Недавно Павел Кривцов передал двадцать две фотографии Алексея Федоровича в библиотеку «Дом А.Ф. Лосева» на Арбате.

Очень хочется, чтобы эти снимки увидели студенты и школьники. Чтобы они поняли, каким красивым делает человека мысль, труд благородной души и высокого ума. Быть может, фотопортреты Лосева станут для кого-то из мальчиков и девочек пред-встречей с миром русской мысли. И, быть может, кто-то из них подхватит нить лосевской мысли.

...Помню, как в отрочестве тепловозные гудки звали меня на вокзал. Я толкался у касс, бродил по перрону или протискивался между чемоданами, котомками и рюкзаками в зале ожидания. Люди спали, дремали или сидели в той смиренной задумчивости, какой я больше нигде не встречал. А иногда я шел на пристань, садился на катер и плыл на тот берег. Кого я искал – не знаю. Мне просто нравилось чувствовать себя в дороге, среди незнакомых людей. Было ощущение пред-встречи – томительное и очаровательно-печальное.

Я возвращался домой счастливый и грустный, растерянный от возвращения к самому себе. После сутолоки вокзала или пристани уединение было особенно сладким. И книжка на столе, и стул-коток бабушкиной швейной машинки в соседней комнате, и шуршание де-

душкиной газеты, и тихое бормотанье радио...

Ни с кем я тогда ни на вокзале, ни на пристани не знакомился и даже не заговаривал. Ну, быть может, краешком глаза любовался какой-нибудь девочкой-ровесницей, которая плыла на катере или на мгновение появлялась в окне поезда. Взгляды для меня значили больше, чем слова, а сердце было так затаенно счастливо, как будто я с кем-то очень близким и любимым говорил до утра.

Когда я стал постарше и пришло время студенчества, потом армии, и было много разговоров взахлеб, до утра, – такого ощущения тайны уже не было. Очевидно, в пору становления души молчаливое бродяжничество важнее бурного общения. Чтобы состоялась встреча, душа должна жить ожиданием ее. Должна быть счастливая пред-встреча.

Простите мне это невольное отступление от темы, но я пишу обо всем этом с неотрывной мыслью об Алексее Федоровиче Лосеве. Жаль, конечно, что я так никогда и не увидел великого человека в жизни, но тем дороже мне память о пред-встрече с ним.

Помню, когда впервые увидел Алексея Федоровича на фотографии (кажется, это был журнал «Студенческий меридиан»), то вырезал этот снимок и положил в дневник. Очевидно, в Лосеве русская мысль так сосредоточилась, что сам его облик стал образом отечественной думы, располагал к рефлексии, он звал туда, в сокровенную тетрадку.

И еще думалось: если этот старец – наш современник, то, значит, есть и в нашем времени какое-то тайное величие, есть то истинное, что связывает нас с глубиной античности и с небом Евангелия.

Поступив в университет, я на соседнем философском факультете обнаружил шкаф с дореволюционными изданиями и малотиражными философскими сборниками разных лет. Выносить их было нельзя, вот я сидел и читал: Фихте, Шопенгауэр, Фейербах... Я был сильно разочарован этими мудрецами. Они были какие-то чужие. А я искал родную истину, о существовании которой догадывался белыми июньскими ночами.

Это была, может, и не трагедия, но драма – чувствовать, что самое главное где-то рядом, а хватать пустой воздух. Ах, если бы мне тогда попалась хоть одна книжка Павла Флоренского, Евгения Трубецкого или Семена Франка...

Но они не попадались, были истреблены или хорошо упрятаны. Но спасибо тому заветному шкафу: однажды я там наткнулся на Лосева. Может, и к лучшему, что это была не «Диалектика мифа» (что бы я в ней понял?), а более доступная слабому уму «Эстетика Возрождения».

А потом пришло лето, я поехал на практику, и однажды мне несказанно повезло: я купил легендарную книжку Алексея Федоровича о Владимире Соловьеве. Откопал ее в городке Кадникове. Там близ автостанции был книжный магазин. Он располагался в сильно ушедшем в землю купеческом доме, и поэтому в магазине даже в жару было зябко. Чтобы не замерзнуть, продавщица сидела на улице, у входа, и вязала. О Соловьеве же я знал еще из школы, на каникулах ходил в библиотеку и с восторгом читал в последнем томе ветхого дореволюционного собрания его письма Кате Романовой – столь же нежные, сколь и назидательные.

А тот снимок, что в молодости стал моей пред-встречей с Лосевым, был сделан как раз Павлом Павловичем Кривцовым. Много лет спустя мы познакомились. Вокруг уже бушевало море цветного глянца, все переходило на «цифру», а он по-прежнему не расставался с черно-белой пленкой. Кому-то это казалось чудачеством и ретроградством.

А вот сейчас, глядя на кривцовские портреты Алексея Федоровича Лосева, понимаешь, как черно-белая фотография созвучна русской рефлексии, аскетике русской мысли, узкому пути углубленного созерцания. Понимаешь, что отвержение Кривцовым цвета в фотографии сродни приверженности иконописцев канону. Это добровольное самоограничение в средствах, намеренное стеснение своего «я».

Сегодня черно-белые снимки так редки, что когда нам удается увидеть их, мы чувствуем себя словно вернувшимися в детство. Для наших глаз они – что-то вроде монастыря, где наш рассеянный и возбужденный взгляд уединяется от агрессивной цветовой среды.

Вспоминаются строки из стихов Алексея Федоровича Лосева:

*Очей ребячливая радость
В тебе не меркнет никогда...*

Так хочется, чтобы и мы, глядя в глаза друг другу, непременно встречали эту любовь, эту радость очей.

Вот о чем вспомнилось и о чем написано при виде снимков Павла Кривцова.

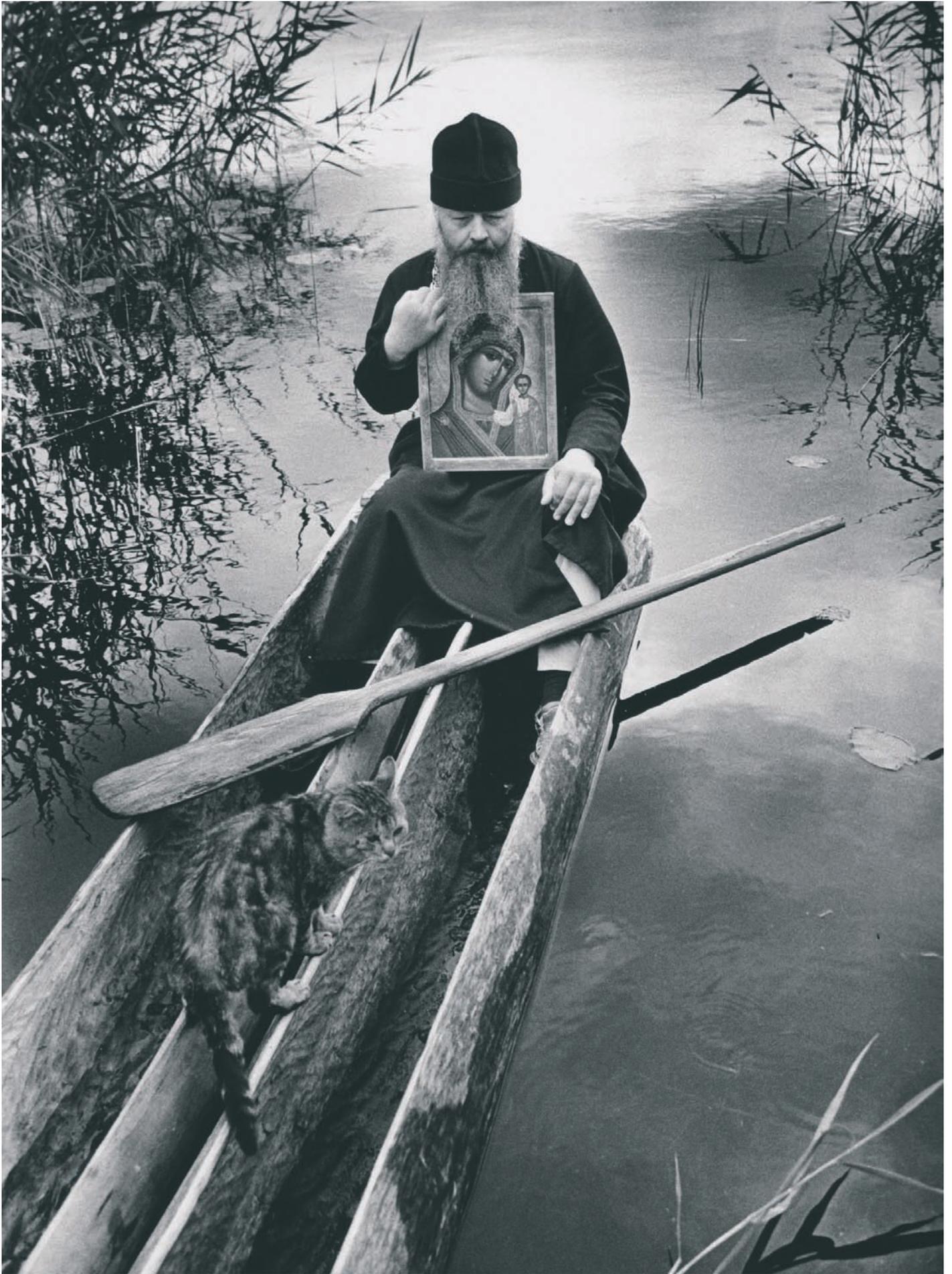
Глас Божий

Одно из мгновений того часа

Сколько еще впереди...

Протоиерей Виктор Попов

Леонид Виноградов

Портрет иконописца

Успенский храм – едва ли не единственная архитектурная достопримечательность Курчатова. Город чист и ухожен, но вряд ли интересен туристам – одни новостройки. Не думал иконописец Борис Норштейн, что пустит здесь корни. В 1997 году он просто приехал сюда расписывать храм. Приехал, чтобы реализоваться.

Ему было уже почти тридцать, а профессиональными успехами похвастать не мог.

ДЕТСТВО

Сын выдающихся мультипликаторов – режиссера Юрия Норштейна и художника Франчески Ярбусовой, – Борис рос в творческой обстановке. К тому же маме разрешили трудиться дома, что бывает нечасто, – обычно художники-постановщики работают на студии, – поэтому многие картины для мультфильмов отца создавались на глазах у Бори и его младшей сестры Кати. Несколько раз дети даже участвовали в процессе – делали задники (декорации для заднего плана). Но в целом Борис не отличался ни прилежанием, ни успехами в учебе, и если в Катином будущем родители были уверены, то Борису отец нередко говорил: «Ну, пойдешь в ПТУ».

Правда, в отличие от многих столетних интеллигентов, Юрий Борисович не делал из этого трагедии. Сын наладчика деревообрабатывающих станков, он с уважением относится к любому квалифицированному труду и сам с детства многое умеет делать руками, а его старший брат Григорий стал скрипичным мастером. «Когда мы бывали у дяди в мастерской, разобранные скрипки, виолончели, контрабасы производили большое впечатление, – вспоминает Борис. – Несколько лет назад я специально возил к нему своих детей. Мало где такое можно увидеть – очень редкая специальность у дяди. А видеть это надо – мне кажется, что сама атмосфера такой уникальной мастерской что-то добавляет к творческому потенциалу человека, даже если он занимается совсем другим делом. Тем более важно почувствовать эту атмосферу детям».

Сам Борис не только иконописец, но и неплохой столяр, и считает умение что-то делать своими руками не менее важным, чем интеллектуальное развитие. Недавно, расписав очередной храм в Курской епархии, он на

Борис и Светлана на крыльце своего дома

заработанные деньги купил дом возле Курчатова – пока они с женой Светланой и шестью детьми (старшему, Севе – 13 лет, младшей, Руфине – 2) живут в приходском домике. Он надеется к концу лета довести новый дом до ума и перебраться туда. В одном из помещений дома планирует организовать для сыновей (их у него четверо) столярную мастерскую и даже кузницу. Причем если азам столярного мастерства он сможет научить мальчишек, кузнечное дело ему самому вместе с ними придется осваивать с нуля. Школьные уроки труда, по его словам, сегодня никуда не годятся – ребята там ничему не учатся. Дома у них есть маленький деревообрабатывающий станок, на котором они все время что-то делают, но настоящие уроки труда начнутся на новом месте. «Ну а дочек пускай Света учит шить и готовить», – считает Борис.

Не возлагая больших надежд на будущее сына, Юрий Норштейн и Франческа Ярбусова не паниковали по этому поводу. Ведь часто тревога ро-

дителей из-за школьных неудач и, как им кажется, малых способностей ребенка приводит к его заниженной самооценке, комплексам, на преодоление которых уходят годы. Родителям Бориса Норштейна хватило мудрости не драматизировать ситуацию. Наверное, как и в любой семье, были моменты взаимного непонимания, споров, но с тем, что у Бориса практически нет шансов поступить в институт, родители смирились. Ведь и сам Юрий Борисович не имеет высшего образования – в прошлом году в передаче, посвященной его 70-летию, он вспоминал, что не умел сдавать вступительные экзамены и несколько раз срезался на них. В итоге закончил только двухгодичные курсы мультипликаторов, но отсутствие диплома, как известно, не помешало ему стать одним из самых выдающихся мастеров анимационного кино. Так что они с женой совершенно спокойно отнеслись к тому, что после восьмого класса Борис поступил в архитектурный техникум, благо там преподавала соседка. В художественной школе он никогда не занимался, но рисовать немножко умел и за полгода набил руку к экзаменам. На третьем курсе осознал, что хочет быть художником, и с этой мечтой после техникума ушел в армию.

ПОИСКИ

Отслужив, Борис устроился столяром, а свободное время посвящал живописи. В основном писал натюрморты, реже – пейзажи, но сейчас убежден, что если ему тогда и удалось написать что-то стоящее, то именно натюрморты. В 1993 году он даже поступил в открывшуюся в Москве Академию изящных искусств, но проучился там всего полтора года и считает, что это ничего не дало ему как художнику. А вот приход к Богу в начале девятых стал для него значительным событием. Началось все с культурологического интереса – Борис решил, что человек, занимающийся искусством, должен знать Библию, поскольку большинство великих произведений написано на библейские сюжеты. Так же, кстати, считает и его отец.

«Сначала у меня был только культурологический интерес, но где-то на третьей или четвертой главе книги Бытия я понял: все, что там написано, правда», – вспоминает Борис. Еще года полтора он пытался «дойти до самой сути» и только потом крестился и стал ходить в храм. Заинтересовался древнерусским искусством, что естественно для художника-неофита, читал все подряд об иконописи, потом попробовал копировать некоторые вещи и даже писать что-то свое. С кем-то советовался, что-то мотал на ус, но считает, что ничего серьезного до приезда в Курчатов не сделал. Тем не менее уже тогда решил, что займется иконописью. «К тому времени я как живописец остановился в своем развитии, но одновременно почувствовал, что могу развиваться как иконописец», – объясняет он. В конце 1996 года художница Ирина Затуловская сказала Борису, что ее знакомый батюшка в Курской области ищет мастеров для росписи храма. Так, 2 января 1997 года он приехал в Курчатов и познакомился с протоиереем Георгием Нейфахом. Он еще не знал, договорятся ли они, тем более не мог предположить, что в этом городе встретит свою судьбу и осядет здесь, что отец Георгий будет его духовником, пока ровно через восемь лет после их знакомства, 2 января 2005 года, не завершит свой земной путь.

О протоиерее Георгии Нейфахе (1952–2005) надо писать отдельную статью, и сделать это могут только люди, которые его знали. Выпускник знаменитой Второй математической школы и биофака МГУ, Юрий Нейфах в 31 год принял крещение и, уволившись из столичного НИИ, переехал в село Успенка Касторенского района Курской области. Молодой ученый сделал выбор, наверняка казавшийся большинству окружающих признаком сумасшествия, – предпочел научной карьере служение псаломщиком в сельском храме, настоятелем которого был крестивший его и венчавший их с женой протоиерей Владимир Волгин, ныне известный московский священник. Духовное чадо архимандрита Иоанна (Крестьянкина), отец Владимир вскоре познакомил с ним Юрия и Елену, которые с тех пор неоднократно обращались к старцу за советом и молитвенной поддержкой.

На дворе стоял 1983 год, наука тогда неплохо кормила, а вот шансов на

священство у человека с высшим светским образованием, да еще кандидата наук, практически не было. И только после 1000-летия Крещения Руси, в конце 1989 года, архиепископ Курский и Белгородский Ювеналий (ныне схи­митрополит, находящийся на покое) рукоположил Юрия Нейфаха в диа­коны, а через неделю – в священники, и назначил настоятелем храма в селе Ба­нищи Льговского района. Но прослужить там отцу Георгию суждено было менее полугода. Когда к архиепископу Ювеналию обратилась группа право­славных из Курчатова с просьбой посо­действовать в строительстве в их горо­де православного храма, он первым де­лом тщательно просмотрел картотеку клириков своей епархии. Прочитав, что недавно рукоположенный священник Георгий Нейфак по светской специаль­ности биофизик, архиепископ решил, что это самая подходящая кандидатура для города атомщиков, и отец Георгий стал настоятелем еще не существую­щего храма.

И хотя биофизика очень далека от атомной энергетики, жизнь показала, что архиепископ Ювеналий сделал пра­вильный выбор. Молодой, энергичный, образованный священник расположил к себе курчатовцев, помог прийти к Богу многим атомщикам. Первые бо­гослужения он совершал в молитвен­ной комнате, но осенью 1990 года нача­лось строительство храма. Когда Борис Норштейн приехал в Курчатова, храм уже был построен и освящен. Отец Георгий сразу очень понравился начи­нающему иконописцу, захотелось по-

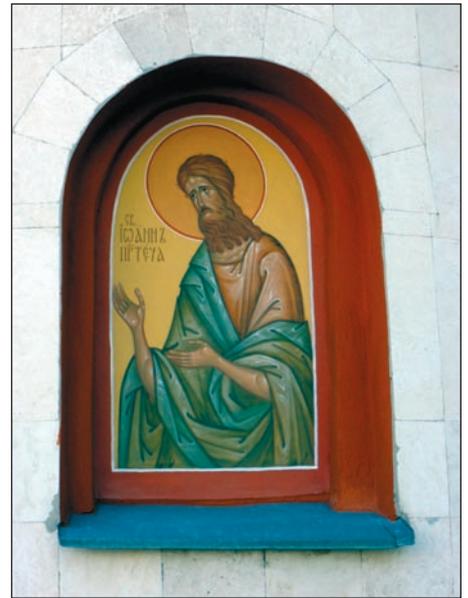
знакомиться с ним поближе. Борис уже несколько лет ходил в храм, но духов­ника не имел. Им и стал отец Георгий. «С ним я мог решать свои самые труд­ные вопросы, – вспоминает Борис. – Часто, на мой взгляд, священники ста­раются руководить прихожанами во всем, и отсюда возникает много про­блем, люди становятся инфантильны. Конечно, в ученический период нам необходима поддержка духовника, но, поддерживая, он должен одновремен­но приучать к самостоятельности, к ответственности. Может быть, у отца Георгия не все получалось, но он стар­ался быть именно таким духовником – ведущим человека ко Христу и одно­временно уважающим его свободу».

СТАНОВЛЕНИЕ

Наверное, все вместе – и личность отца Георгия, и желание Бориса осво­ить фреску – повлияло на его решение, и летом 1997 года он приехал в Кур­чатова работать. Не думал он, что рас­писывать храм ему, ранее никогда не писавшему фрески, придется в одиноч­ку, но человек предполагает... Один из преподавателей московского художе­ственного вуза обещал им с Ириной За­туловской, что летом привезет в Курча­тов группу студентов, – не привез и сам не приехал. Борис предложил начать с росписи придела преподобного Сера­фима Саровского. Но вскоре Ирина ре­шила вернуться в Москву, и пришлось ему самому воплотить эту идею.

«Это был его первый храм и при­дел Серафима Саровского – первая ра­бота во фресках», – рассказывает ны­нешний настоятель Успенского храма протоиерей Роман Братчик. В то время он служил в селе Кунье, на границе с Белгородской областью, но не раз бы­вал здесь в гостях у отца Георгия. Отец Роман тоже заканчивал биофак МГУ, но учился на два курса старше, и в студенческие годы они не пересекались, а познакомились только в начале вось­мидесятых. Примерно в одно время пришли к Богу, вместе окормлялись у отца Владимира Волгина и подружи­лись. Говорят, что когда отец Георгий был уже смертельно болен, он просил архиепископа Курского и Рыльского Германа назначить после его смерти настоятелем храма отца Романа, и вла­дыка внял его просьбе.

«Когда я приехал к отцу Георгию и впервые увидел росписи этого приде­ла, подумал: что за мультипликация? –

продолжает отец Роман. – А я ведь еще не знал, что он сын мультипликатора, и удивлялся. Но следующие его фрески становились все лучше, а последние работы просто очень серьезные. Еще при жизни отца Георгия Боря хотел переписать этот придел, но батюшка ему не дал. Думаю, из финансовых со­ображений – это большие расходы. Со временем, может быть, перепишет».

Приезжал в Курчатова посмотреть работы сына и Юрий Норштейн. Мне­ние отца о его фресках для Бориса тоже очень важно. Норштейн-стар­ший – человек нецерковный, но всег­да любил икону, а для всех, кто видел его мультфильмы, очевидно, что у него безупречный художественный вкус. «В целом ему, может быть, и нравится то, что я делаю, но у него есть и мно­го претензий к моей работе, – говорит Борис. – Хвалить или ругать в глаза папа не склонен, но по его реакции я чувствую, что ему нравится, а что нет. А вот признает ли он, что я состоялся как художник, не знаю. Прежде всего, я сам так не думаю. Время покажет».

Не думает, потому что любой талант­ливый творческий человек не бывает до конца удовлетворен своей работой, стремится к лучшему. Тем более трудно быть довольными собой современным иконописцам – в советское время тра­диция была прервана, и сегодняшние мастера осваивают это искусство в про­цессе работы, почти с нуля. Борис же замахнулся на одну из самых сложных техник в искусстве – фреску. «Дух, ко­торый несет в себе фреска, написанная в каноне, накладывает отпечаток на все

богослужение и вообще на весь строй духовной жизни прихода, – считает отец Роман Братчик. – Боря старается. Жаль, что пока это направление церковного искусства мало востребовано нашими храмами. Понятно, что дорого, сельский храм не может позволить такие расходы, да и многие городские еще только восстанавливаются, и для них фреска тоже пока – предмет роскоши. Возможно, когда их восстановят, займутся и росписью». Но как ни мало пока востребована фреска, после Успенского храма Борис расписал еще три, и все в ставшей ему родной Курской епархии, далеко не самой богатой. И благодаря этой работе он худо-бедно содержит свою уже довольно большую семью. По мнению опытного настоятеля храма, фрески его каноничны. Оценивать их по гамбургскому счету не дерзну – это дело специалистов, но очевидно, что, расписывая Успенский храм в Курчатове, Борис Норштейн вырос в крепкого профессионала.

СЕМЬЯ

Ну а остался он в Курчатове потому, что именно в Успенском храме познакомился со Светланой. Еще когда она училась в школе, ее родители устроились на атомную станцию и семья переехала из родного Саратова в Курчатов. Девушка окончила музыкальное училище в Белгороде, Воронежский институт искусств и аспирантуру при Гнесинке, а сейчас преподает в местной музыкальной школе, где занимаются и двое их с Борисом детей.

Вначале Борис и Светлана не исключали переезда в Москву, но держала работа, а потом поняли, что большой семье (еще есть старший, Сева, и малышка Руфина) в малом городе проще. Многодетные москвичи разрываются, возя своих детей на кружки и в секции, а здесь – все рядом: и бассейн, и музыкальная школа.

Отец Георгий поддержал их желание остаться. Наверное, как все люди, Борис о каких-то своих поступках жалеет, но только не о том решении. Теперь он сердцем здесь: «У меня уже есть ощущение, что это моя малая родина. Конечно, большую часть жизни я прожил в Москве и у меня многое с ней связано, но то, что сейчас там происходит, не соответствует моим представлениям о жизни. Я всегда любил природу. 20–25 лет назад выедешь в ближайшее Подмосковье, а там речка, поле. А те-

перь все застроили. Здесь же все так же, как раньше. Двадцать минут на машине – и мы на природе, в тишине. И еще очень важно, что дети развиваются в естественной среде, много времени проводят на улице, играя со сверстниками. Из московской жизни это, увы, ушло – сегодня родители боятся отпускать детей одних во двор. Есть, конечно, свои минусы в культурной оторванности наших детей от столицы, но в сегодняшней жизни в Москве, на мой взгляд, минусов еще больше».

Воспитывать детей помогают живущие неподалеку родители Светланы и няня, а хозяйство целиком на ней. Даже одиннадцатилетняя Варвара, по словам Бориса, помощница так себе. «Она у нас очень артистическая натура. Иногда даже страшно бывает, как быстро у нее меняется настроение и она буквально перевоплощается», – признается он. Сама Светлана не производит впечатления измотанного человека. Видно, что все в этом доме – и житейские заботы, и общение с детьми, и даже гость, с которым только познакомились, – в радость. И, что очень важно, нет муштры, которую так любят многие неопиты, почему-то считая ее неотъемлемой (а иногда и единственной) частью воспитания детей. Это отмечает и отец Роман, который видит семью Норштейнов каждый день, поскольку живет в том же приходском доме: «Меня очень радует, что в их семье нет палочной дисциплины, а есть любовь, и дети имеют широкие возможности для гармоничного развития и проявления своих способностей. И Боря сам с ними что-то мастерит, показывает им, что к чему, или, например, когда кузнец у нас тут работал, дети возле него почти все время крутились – интересно им было. Это очень важно – не ограничивать детскую широту. Конечно, неизбежны какие-то проступки, но зато дети развиваются. А столь популярные у многих родителей унтер-офицерские методы скорее мешают детям проявить себя, раскрыть свои способности». Сам Борис, правда, гораздо критичнее относится к себе как к родителю: «Не получается у меня целенаправленно со своими детьми заниматься. Пытался, но мои попытки не увенчались успехом. Видимо, во многом они будут повторять мой путь и мои ошибки». Такая самокритичность подкупает, но, проведя в гостеприимном доме Бори-

са и Светланы два дня, я увидел скорее подтверждение слов отца Романа: все маленькие Норштейны раскованны, общительны (даже двухлетняя Руфина, сначала слегка опасавшаяся незнакомого седобородого дядьки, на второй день охотно шла ко мне на руки) и хорошо воспитаны. При общении с этой семьей вспоминаются слова исповедника XX века архимандрита Тавриона (Батозского): надо не учить, а показывать. Видно, что вежливость детей Бориса и Светланы – не плод длинных нотаций взрослых, а просто перенята ими от родителей. Она для них естественна.

Пока никто из них не знает, кем хочет стать, когда вырастет. Борис говорит, что как на него родители не давили, так и он не будет никому ничего навязывать. Главное, считает он, чтобы они что-то умели, нашли себе дело по душе и отвечали за свои слова и поступки. «Папа мне рассказывал, что когда ему в 1979 году вручали Государственную премию, было принято благодарить партию и правительство, – вспоминает Борис. – А он вышел и сказал: “Спасибо моим папе и маме, что научили меня трудиться”. Хотелось, чтобы хотя бы кто-то из наших детей, став взрослым, мог сказать такое про нас. Мне кажется, большей благодарности от детей родителям быть не может».

Ну а закончить статью о Борисе Норштейне хотелось бы словами отца Романа Братчика: «Борис – талантливый, творческий человек, ищущий, неравнодушный, посвятивший себя, свой талант Церкви. И, конечно, у них со Светланой замечательная христианская семья».

СКРЕПЫ

Тот, кто неотступно соблюдает заповеди, пусть ждет искушений, которые от этого последуют. Ибо любовь ко Христу противоположенным ей испытывается.

*Старец
Иосиф Ватопедский*

Елена Литвяк

Анна, Макарий, Дмитрий Непридуманные рассказы о любви

Помните у Толстого? «Все счастливые семьи счастливы одинаково...». Но нет, каждая семья – совершенно особый мир, непохожий на другие, в несчастье и в счастье. И нет никакого рецепта этого самого семейного счастья, сколько бы томов классики мы ни прочли, сколько бы ни сидели в Интернете. Есть только долгий, долгий путь, который надо каждому пройти самому. Но вот что удивительно – когда семья растет, когда детей в ней становится все больше, представления о счастье тоже сильно меняются. Как, впрочем, и вообще представления о жизни. Наш путь оказался удивительным для нас самих – почему-то с каждым новым малышом рождалась новая книжка как неожиданный дар нам всем. Когда у нас была только Анна, написала «Дневник мамы», с которым читатели «Лампады» познакомились в 2010 году. С рождением

старшего сыночка, Макария, появились на свет две книжки для детей. С появлением Мити возникли «Непридуманные рассказы о любви». Любовь – самое главное и самое невозможное, трудное в жизни. И опять же – никаких рецептов по добыванию оной достать невозможно. Но без нее никак не обойтись в доме, где трое малышей. Рассказы эти – о том, как любовь прорастает в человеке, большом и маленьком, как неожиданно и остро вдруг начинаешь чувствовать корни рода, переплетение веточек человеческих судеб, влияние прародителей на нашу быстротекущую повседневную жизнь. И о том, как все оказываются нужны всем.

Может быть, это и есть счастье?..

Некоторые фрагменты из этого цикла были опубликованы на портале «Православие и мир». Читатели «Лампады» имеют возможность познакомиться с полной версией.

О, ПИПЕТКА!

Такой маленький, Господи... Он даже не смог взять грудь в первые минуты после рождения. Комочек человеческой плоти кирпичного цвета. Правда, закричал сам. Анна, когда увидела братца, восхищенно выдохнула:

– Мама, какой он красивый!

Ручки-палочки, ножки-пружинки. Два триста.

...Когда родился третий малыш, жизнь как-то разом перевернулась – будто вышли в открытый космос. Еще вчера мы были как все – среднестатистическая интеллигентская семья с двумя детьми, мальчиком и девочкой. «Что вам еще нужно? – удивлялись знакомые. – Живите и радуйтесь, у вас уже все есть».

А Господь нам послал третьего.

Как же не принять? Конечно, усталость, недосып, болезни каждого по очереди и всех вместе. Конечно, капризы, непослушание, разбросанные по дому вещи. Одну отвезти в школу, с другим – покатав машинки и отчистить пластилин с пола, третьего – кормить каждый час. А еще – завтраки, обеды, ужины, уборка, стирка, прогулки, разговоры по душам, чтение, пение... А еще приходит с работы усталый папа.. Жаль, что в сутках только 24 часа. Но... Но! Жизнь вдруг, сквозь постоянную усталость, материнские заботы и страхи, так начала сиять, как никогда до этого. Откуда-то взялись силы крутиться по дому целый день и отвечать на бесконечные детские вопросы. В сердце такое веселье, какое бывает только на Пасху. А спать хочется очень...

Кто-то правильно сказал: «У многодетных родителей всегда пятница». А мы еще и не многодетные по-настоящему. Разве трое – это много? Не пять, не восемь. Только трое. Но дни, как гуси, пролетают,

«Мама, какой он красивый!..»

не оглянешься, это правда. Зато и жизнь не плоская: верх-низ, ширина-длина, работой-работа, – а объемная. Появилось третье измерение. То ли глубина, то ли высота – не знаю еще. Одно точно известно: теперь все по-другому. И уж точно не мы – режиссеры этой жизни. Есть Самый Главный Режиссер. Потому все и получается, когда ничего не сходится, не успеваешь и все валится из рук. Должно быть, с четвертым, пятым, шестым малышом жизнь еще более объемна, непроста, стремительна, интересна.

...Обычный серый октябрьский денек – свинцовое небо, последние рыжие листья на голых ветках. Так грязно и неуютно, что прямо-таки жаждешь снега. И вот в такой день, под вечер, в синих уже сумерках, вдруг – ощущение заглянувшего в комнату солнца. Это родился Дмитрий Андреевич.

Митя очень маленький и слабый, окрестили его на второй день. Сам не ест, все время спит, приходится будить. Кормить нужно каждый час. Господи, кто бы меня разбудил в три часа? Три часа чего – ночи, утра? Время разворачивается одной бесконечной лентой, на которой каждый час – как узелок на память. Достать пипетку, прокипятить, набрать раствор глюкозы. Осторожно открыть плотно сомкнутые детские губы и лить по капельке. Потом сцедить молоко и опять – по капельке, по капельке. Глотать ему тоже трудно. Молоко тонкой струйкой вытекает обратно. А ведь его еще так мало... Смотрю на часы – сорок минут прошло. Кажется, поел. Можно спать.

Ночь проходит, просыпаются дети. Они требуют читать книжки, гулять, играть. А я не могу – нужно кормить, кормить, кормить и греть малыша, кутая в одеяла, чтобы не терял набранные драгоценные граммы.

Взвешивание – тонкая пытка. Сколько мальчик прибавил за день, и прибавил ли? Мне страшно.

Но сынок растет потихоньку. О, пипетка! Прекраснейшее изобретение человека! Можно было бы написать тебе оду, прославив твоего безвестного изобретателя...

Вот уж в третий раз я держу новорожденного малыша на руках и не устаю удивляться – какой он особенный, другой, не такой, как мы, и как недолго это продлится. Митя похож сейчас не на упитанного розового херувима с рекламы памперсов, а на умудренного старика, который все уже видел в этой жизни. Такой глубокий и внимательный у него взгляд. Личико, ладошки и пяточки сморщенные, красно-кирпичные, порозовеют дня через три-четыре. Сплюснутая переносица, сходящиеся к носу глаза, которые он тарачит, когда глядит на

что-нибудь. Хворостинки-пальчики, длинные, хрупкие, боязно брать лишний раз, чтобы не сломать как-нибудь нечаянно. На тоненькой цыплячьей шейке – большая голова, совсем почти без волос. Когда батюшка крестил Митю, трудно было найти кустик волос у него на головке, чтобы состричь хоть сколько-нибудь в жертву Богу. Так только, пара волосинок. А глаза мудрые, взрослые, не младенческие.

МУЖСКИЕ РАЗГОВОРЫ

– Папа, папа пришел!

Дети верещат счастливыми голосами, прыгая в коридоре. Кажется, что тут особенного, каждый вечер так бывает – папа приходит с работы. А для них это главное событие дня. Главнее интересной книжки и веселой прогулки. Да... Мама – воздух, в котором дети нуждаются постоянно, но не замечают, привыкли. А папа – солнце. На небе оно не всегда, но сколько радости, когда появляется!

Макарик сразу тащит папе мусорное ведро. Однажды он сделал это по душевному порыву, заметив, что первое папино дело после возвращения с работы – вынести мусор. Папа его, конечно, похвалил, и теперь он, сияя от счастья, тащит тяжеленное ведро каждый вечер. А потом у них бывают мужские разговоры – они вместе моют испачканные за день ботинки больших и маленьких размеров и рассуждают о самолетах и про войны.

– Ты не должна про это говорить, – важно объявляет трехлетний брат сестре, стоящей рядом. – Ты же не мужчина!

Анюта обижается, но ненадолго. Все равно папа и ее тоже покатает на плечах и споет про космонавтов.

БЕЗ МАМЫ

Внезапно дети стали самостоятельными. Аня-то давно привыкла к роли старшей сестры. Правда, ей не очень нравится – больно хлопотно. Она частенько играет в маленькую – сюсюкает и картавит, чего с ней не было никогда, даже в те времена, когда она только выучилась говорить. Кутаю ее с ручками в одеяло, укладываю на диван и пою с ложечки водичкой.

– Ну как, хочешь быть младенцем?

Она хохочет и убегает. Нет! Карабкаться по веревочной лестнице под потолок и играть с братом в принцев и принцесс – гораздо лучше.

А Макарию очень нравится новая роль. То все маленький, маленький, а то вдруг –

старший брат! За один день новой жизни из него получился очень серьезный, рассудительный, расторопный помощник.

Переодеваю Митю, дети, естественно, тут же. Не поворачиваясь, спиной, прошу:

– Подайте, пожалуйста...

Не успеваю закончить фразу, как Макарик уже тащит маслице и чистый памперс.

– Спасибо, малыш!

– Я не малыш, я старший брат! – обижается сынок.

Действительно, старший. Дети стали на удивление послушнее и разумнее, чего не было, пока их было только двое.

«Невозможно было бы представить нас вместе, если бы мы не встретились в Церкви»

Анна и Макарий переехали жить в бабушкину комнату, которая теперь называется «детская». Там они спят совершенно самостоятельно. Я только молюсь с ними вечером, читаю перед сном, целую и ухожу. А ведь еще несколько дней назад Макарик спал со мной на положении младшенького. Удивительно, как он легко принял такие большие перемены и уступил место Мите.

В первое воскресенье Митюшкиной жизни мы, конечно, не могли быть с ним в храме у Причастия. Старшие отправились в храм с папой и бабушкой. Впервые без мамы. С некоторой тревогой в глазах. Макарик еще совсем недавно подходил к Чаше за ручку со мной. Справятся ли они теперь сами, мои детки?

Бабушка потом рассказывала, как нежно обнимала братца Анюша, подводя к Чаше, как помогала ему потом, какие они серьезные и самостоятельные оказались. Аня дома скромно умолчала об этом, а у самой глазки так и светились.

8 ноября. У Митюшки день Ангела – память святого великомученика Димитрия Солунского, славного воина Христова. И сразу два подарочка было в этот день – выпал первый снег и наконец-то малыш

ел сам! На улице стало тихо и празднично. Люди, идущие домой с авоськами продуктов, ступали по первому снегу осторожно, словно боялись запачкать, такой он новый.

ПРО МАМУ И ПАПУ

Вот она, проклятая. Пришла, уселась в кресло, нога на ногу, и смотрит на меня. И зудит, зудит, зудит, бубнит, ворчит, хнычет, мямлит... Послеродовая депрессия – так она называется в медицинских книжках. А я думала, может, хоть в этот раз удастся избежать. Восторг и счастье первых дней после рождения нового малыша сменились

усталостью, раздражением, какой-то тяжестью в сердце. Да еще дождь без конца, поздний рассвет, ранние сумерки. Хочется укрыться одеялом с головой и не вставать совсем. Андрей уходит на работу рано, в темноте осеннего утра, возвращается тоже в темноте. Мы его почти не видим. А как надо именно сейчас, чтобы побыл рядом, поиграл с детьми, почитал им. Но он тоже усталый, хмурый, раздраженный. Резкий со старшим сыном, отстраненный с дочерью, не берет малыша на руки. Во мне нарастают обида, печаль одиночества, оставленности, заброшенности, ненужности. Чувствую,

как тонкая ткань семейного счастья трещит и рвется. Почему-то многие люди думают, что многодетная семья – автоматически счастливая. Мы только начали этот путь, а я уже чувствую, что это не так. Нет никаких гарантий. Как Таинство венчания не делает брак прочным без собственных усилий супругов, так и многодетность – не обязательный пропуск в рай.

...Опять ощущаю, какие мы с Андреем разные. Невозможно было бы представить нас вместе, если бы мы не встретились в Церкви. Я обожаю путешествия, моя обжитая земля – от Салехарда до Амстердама, от Средиземного до Белого моря, от Крыма и Кавказа до Урала. Он никогда не уезжал из родных пределов, только в армию. Я люблю театр, а он любит сажать капусту. Я мою посуду две минуты, а он – тридцать. Мне обязательно нужно резать мясо ножом и вилкой, а он может есть суп и второе из одной тарелки и все – ложкой. Я подвижная городская девчонка, а он – медлительный деревенский мальчик. Он – традиционалист, для него мужчина в семье – главный, а дети вообще на третьем месте. А я сначала кормлю маленьких детей, а потом папу, если почему-то не получается сесть за стол

всем вместе. Даже о вере и жизни в Церкви мы во многом думаем по-разному и по-разному эту жизнь осуществляем. Выходит, у нас очень мало шансов на гармонию в семье? «Венцы царские, венцы мученические...». На венчании конец фразы пролетел, конечно, мимо ушей.

Как соблазнительно думается об этой нашей разности сейчас, когда депрессия давит душу и тело... Сил на самом деле нет. Ни на что, ни на кого. И тут она, сидящая в кресле, с ухмылкой подкидывает мыслишки: «Может, надо было устраивать жизнь как-то по-другому? Может, мы вообще не подходим друг для друга?».

Вспомнилось, как, начитавшись духовных книг, мечтала о монастырской жизни. Это со всеми бывает, понятно, – такая красота! Мне нравился один молодой человек, но я никак не могла понять, что же – мое: замужество или монашество? Измучила батюшку своими вопросами, постилась до изнеможения. А он улыбался: «Ты же всегда хотела быть многолетней мамашей! Мы еще погуляем на твоей свадьбе!» Но по ночам мне снился монашеский остров.

Собралась и уехала трудничать на остров Коневец посреди Ладоги. Там нас, таких мечтателей, набралась большая компания. Мы весело пропалывали морковку под дождем, реставрировали старые монастырские стены, перебирали в сыром подвале картошку, чистили рыбу к празднику, перемывали бесконечную посуду. Вечерами читали правило в прибрежной часовне святителя Николая, куда ветер с озера доносил запахи рыбы и машинного масла. У причала волны плескали в борт катера, на котором мы приехали. В воскресенье после обеда с Большой земли приходил теплоход с паломниками, и тетенька-экскурсовод говорила, указывая на нас: «А это монастырские послушники трудятся». Мы переглядывались и хохотали – послушниками мы не были. Уставали ужасно, очень хотелось есть и спать. Через три недели некижской монастырской жизни пыл поулегся заметно.

Там был такой задумчивый юноша с мехмата, Андрей. Он всегда первым здоровался при встрече, слегка наклоняя голову. И с каким-то невероятным изяществом таскал тяжеленные камни для будущей отмычки скитского храма, как будто всю жизнь этим занимался. А я рядом перетирала глыбы сырого песка через панцирную сетку старой кровати. В мелкий песочек, чтобы можно было добавлять в раствор, который месили наши юноши. Подумалось тогда почему-то: вся наша жизнь – перетирать глыбы дней в песочек, в поисках золотых крупинок... На мои расспросы о приходе в Церковь (естественно, как одно-

му неопиту не спросить об этом другого?) отмалчивался и тихо улыбался.

Когда мы должны были возвращаться в Москву и ждали на берегу катер, Андрей не пришел. И больше мы никогда не виделись. Он решил остаться еще на одну монастырскую Литургию. А с катером подождет.

В ноябре мы обвенчались с Андреем. Это был совсем другой человек, но имя то же, те же тихие глаза и улыбка. Так же спокойно он одолевал тяготы жизни, таскал камни и пел песни. И прекрасно разбирался в физике и математике. Может быть, там, на Коневце, куда я сбежала от раздравших душу сомнений, Ты, Господи, просто показал мне мое будущее? Это я теперь понимаю, что семейная жизнь очень похожа на монашескую и никуда ехать не надо. Послушание, долготерпение, любовь, милость... А когда дети маленькие, да бесконечные болезни, да невозможность никуда уйти от всего этого – просто скит, да и только! Трудись и молись...

Попадешь в воскресенье на Литургию минут на двадцать с малышами – и слава Богу! Еще и не каждое воскресенье. А как послушники в монастыре? Тоже ведь так. Всё послушания, послушания, а в храм – раз в три недели. Только и разницы между мирскими и монахами – в детях. Может, в монастыре даже и легче – спастись нужно лишь самому. А тут без детей – никак. «Сез и дети, яже ми дал есть Бог». Говорят, что на Страшном суде мы будем держать друг друга за руки, и только всей семьей сможем войти в Царство Небесное.

Было бы богатство любви, тишины, света в душе, не жаждала бы так смены внешних впечатлений. Было бы настоящее смирение – не горевала бы, когда дети капризничают и не слушаются. Чего горевать-то? Все потихоньку устроится. «Сиди в келье, и келья всему научит тебя». Вот и пустыня. Просеивание песка дней... А змей в собственном сердце предостаточно.

Господи, помоги нам, обнови, укрепи нашу любовь Своей любовью! Ведь это Ты соединил нас, таких совсем разных, в одну семью. Без Тебя мы пошли бы в этом мире своими путями и никогда бы не пересеклись. Стоит позвать тихо на помощь – и помощь идет. Сразу, как в детской сказке. Она, сидящая вальяжно в кресле напротив, прикусывает язык и умолкает. Наплывают воспоминания, обрывки семейных хроник и, словно пластырь, укрывают израненную обидой душу.

...Я знаю, это ты, Господи, сделал так, чтобы в землянку, где плакала от страха маленькая девочка, мама моего будущего мужа, не упала бомба, сброшенная с вражеского самолета.

Перед тем, как войти в село, немцы долго его обстреливали с воздуха. И бомбы свои кляли прицельно, так, чтобы крыши сшибало, чтобы никто никогда не смог больше жить здесь. «Юнкерсы», словно издеваясь, летели низко-низко. Конечно, они знали, что в деревне только бабы и дети. Еле успели убежать из горящих домов на огороды, там, на задах, у многих были выкопаны землянки. С каждой бомбой на голову сыпалась земля, щипало глаза и звенело в ушах. «Господи! Господи! Дай нам выбраться отсюда живыми! Отче наш!» – кричала маленькая Нина, вдруг вспомнив, как каждый вечер мама молилась перед венчальной иконой Богородицы своими словами. И еще говорила вот эти – «Отче наш, иже еси на небесех...». Наконец стало тихо. Оглушенные женщины вылезли из землянки, наказав детям не высываться. В сером небе маленькими черными точками исчезали с глаз проклятые «фрицы». На огородах, среди комьев грязного снега, зияли громадные воронки. На Нинин огород немецких бомб не хватило. Одна, должно быть, последняя, снесла только угол дома, где рос потом, через много лет, мой будущий муж. Немцы пробыли в селе неделю и ушли. А венчальная та икона стоит у нас на комод в детской, Казанская.

...Я знаю, это Ты, Господи, положил маленькую белую таблетку в карман бабы Поли, Андреевой бабушки, и спас его. Девочка Нина выросла, вышла замуж. Сама высокая, стройная, она очень гордилась своим малышом – такой крепенький, кругленький, весь в складочках-перевязочках. Однажды его, трехмесячного, напоили соком, выжатым из свежего мандарина. Кто-то сказал, что для здоровья это полезно. Малыш сосал сок с ложечки с удовольствием и просил еще. Дали еще. А ночью он стал плакать. Прикладывали к животу нагретую пеленку, носили на руках. Но малыш кричал не переставая и извивался крючком.

Утром измученная мать побежала из деревни в пристанционный поселок – там был фельдшерский пункт. Конец декабря, снег, дорог никаких, только тропки. Андрей, укутанный в шерстяной платок поверх одеяла, лежал на маминых руках и кричал, глотая холодный воздух.

Фельдшер осмотрел мальчика, но ничего не нашел.

– Давайте подслащенную водичку, – сказал он и вышел в коридор.

А Нина побежала тем же путем обратно, через сугробы и ветер, домой. Вечером зашла соседка.

– Как дела, Поля?

– Малый у нас помирает, – тихо сказала бабушка моего будущего мужа и заплакала.

(Продолжение в следующих номерах)

СОДЕРЖАНИЕ

МИЛОСЕРДИЕ ВЫШЕ ЗАКОНА?

Священник Ярослав Шипов – Павел Демидов
Господи, помилуй! 2

Михаил Федотов – Павел Демидов
И все же трава растет от земли к небу 5

Марина Нецветаева
Фактор Ройзмана 9

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Наталья Лайдинен
Курская жемчужина 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Николай Булгаков – Инна Руденко
Люди не хотят привыкать к плохому 16

Виктор Ахломов
С точки зрения... 19

Иеромонах Варлаам (Борин)
Труфель и прочие 20

Алина Горелик
Не растерять бесценный дар 22

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Старик с Рождественского
бульвара 24

Борис Шергин
Полярное сияние. Ингвар.
Любовь сильнее смерти 26

СТРАНА КРАСОК

П.Д.
Хранитель вечности 28

Дмитрий Шеваров
Мгновения одного часа 28

МИР ВОКРУГ НАС

Леонид Виноградов
Портрет иконописца 32

Елена Литвяк
Анна, Макарий, Дмитрий 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Архангельский собор
Московского кремля.
Фото Виктора Ахломова

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 03.09.2012

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1300 экз. Заказ № 1867
© Лампада, 2012

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса

России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

